

Максим Лагно

ЧЁРНАЯ ВОЛНА

АН ГАРД!

2

18+

Максим Лагно

Чёрная волна

«Автор»

2019

Лагно М.

Чёрная волна / М. Лагно — «Автор», 2019

Что связывает немолодого и коррумпированного шеф-капитана Имперской Жандармерии, падкого до наркотиков и несовершеннолетних девочек, и молодого дикаря с недавно открытых в Неудоби островов? Конечно, великолепная командан Жизель, которая укажет им новые цели в жизни взамен руин прошлого. Жандарм попробует стать героем, а дикарь попытается спасти свой отсталый народ от геноцида, который ему готовят колонизаторы из Империи. Автор обложки и иллюстраций М. Лагно.

© Лагно М., 2019

© Автор, 2019

Максим Лагно
Чёрная волна
ЗЕМНОВОДНАЯ ТВАРЬ

ЧАСТЬ РАЗНЫЕ

Стадо шуршало в прибрежных зарослях: буффалы обгладывали ветки и выкапывали корни из мокрой горячей земли.

Хавьер поудобнее устроился на подгнившем стволе пальмы и продолжил лениво смотреть, как волны Бесконечного Осеано бились о камни. Отдельные брызги оседали на его коже горячими каплями.

Судя по следам на песке, настали последние деньки свободы. Скоро начнётся сезон Чёрной Волны, размышлял Хавьер, и все укроются под защитой частокола вокруг деревни, вздрагивая от ударов и завываний снаружи. Поэтому нужно как следует кормить буффал: они будут главными съестными припасами на много смен луны и солнца.

Со стороны джунглей послышался гул, будто кто-то дул в глиняную трубу на празднике Конца Чёрной Волны.

– Веспа! Веспа летит! – закричал Хавьер, обращаясь к буффалам. Разговаривать с животными – привычка пастуха.

Хавьер выбежал из-под прикрытия листьев и приложил ладонь козырьком ко лбу. В расплывающемся свете солнца заприметил точку в небе, которая быстро выходила из-под облаков. Гул усилился так, что пробился сквозь шум прибоя.

Веспа была небольшой, но не круглой, как те, которые Хавьер видел раньше, а продолговатой, как плоды огуречного дерева. На остром конце располагалось слюдяное окошко, под которым торчало толстое жало. Что было на другом конце тела веспы Хавьер не видел, но воздух там дрожал, как над пламенем костра или закипающей водой.

Веспа направила на Хавьера слюдяное окошко. Кончик её толстого жала слегка вытянулся. Хавьер увидел, что жало внутри пустое, как ствол бамбука. Из металлических боков, гладких, как доспехи воинов, выступали два неподвижных крыла.

Шаман Маттеус Коричневый Коготь предсказывал, что в тот день, когда веспа зашевелит крылами, земной остров прекратит свой бег в Бесконечном Осеано и наступят последние времена.

Вообще шаманы всех деревень любили предсказывать наступление последних времён. Но ни один из них не разьяснял, хорошими ли они будут или плохими?

Веспа подлетела так близко к Хавьеру, что он почувствовал жар её тела и запах, похожий на тот, что лился из кузни, когда ковали наконечники для стрел. Хавьер боялся, но не знал, нужно ли ему бежать или же покорно стоять, ожидая действий веспы?

Глаз веспы смотрел прямо на Хавьера. Зрачок внутри слюдяного круга то уменьшался, то увеличивался, присматриваясь к окружению.

Хавьер сделал шаг назад – веспа не отреагировала. Сделал бы ещё шаг назад, но обернулся и застыл от страха.

На прибрежном песке чернело мокрое тело выдры. Она встряхнулась, обдав Хавьера брызгами. В волнах мелькали тела ещё нескольких выдр, вероятно, самок, те никогда не спешили выходить из воды, предоставляя самцам идти впереди. Слева и справа выползли ещё с десяток выдр, их огромные туши блестели на солнце.

Поодаль раздался крик боли – одна выдра настигла буффалу. Сомкнув челюсти на её шее, разом перекусила. Взбрыкнув копытами, буффала заревела и обмякла. Её голова моталась, прочерчивая рогами на песке двойную линию, пока выдра тащила добычу до воды.

Первая выдра ринулась к Хавьеру, взметая лапами песок. Пастух бросился бежать, понимая, что ему не спастись – выдры одинаково быстры и на суше, и в воде.

Веспа качнулась, отлетела чуть в сторону, будто не желая участвовать в происходящем.

Хавьер споткнулся и упал. Перевернулся на спину, готовясь защищаться от клыков выдры. Она уже прыгнула в воздух, растопырив когтистые лапы...

В недрах веспы послышался грохот, будто несколько людей стучали камнями по камням. Из её жала вылетели струи дыма, как при курении.

Тело выдры отбросила невидимая сила.

Не долетев до Хавьера, она рухнула в песок и задёргалась, как в приступе кашля. При этом веспа, повернув своё жало в сторону выдры, продолжала издавать странный стук, от которого её сама слегка отбрасывало назад.

Удостоверившись, что выдра не двигалась, веспа прекратила стучать и выплёвывать дым.

Тогда вторая выдра начала оббегать Хавьера по кругу, примериваясь для атаки. Жало веспы развернулось в её сторону. Снова застучали камни, что-то невидимое ударило в выдру, она упала и затихла. Часть её морды отчего-то развалилась надвое, как от удара топором.

Хавьер отполз поближе к джунглям и остановился. Сам не веря своей смелости, он понял, что бежать не надо. Веспы убивали выдр!

Невидимые плевки из жала веспы впивались в тела ненавистных зверюг, вырывая из них куски мяса и шерсти. Сменив боевой рык на визг, выдры катались по песку, обагрняя его кровью. Остальные, почуяв кровь сородичей, развернулись и скрылись в волнах Бесконечного Осеано. Но и там их настигли плевки веспы, поднимая фонтанчики кровавой воды.

Тела мёртвых выдр всплыли на гребень волны. Одну за другой их вынесло на берег.

Стук и кашель в теле веспы утих. Она облетела поле битвы, наклоняясь к трупам выдр, всматривалась в них своим единственным глазом. Затем развернулась и подлетела к Хавьеру.

Он встал перед ней на колени, протянул сложенные руки и склонил голову. Так учил шаман вести себя при встрече с сущностями обратного мира.

Захотел прочитать благодарственную молитву за избавление от смерти. Пока вспоминал слова, веспа качнула крыльями, будто заранее приняла благодарность. Резко взмыла вверх и пропала за облаками.

Те жители деревни, которые встречали весп, всегда спорили, какого они были размера. Энзо, отец Хавьера, утверждал, что немного больше створки ворот в заборе вокруг деревни. Сын стражника деревенских ворот, утверждал, что веспы не больше девичьей груди. Но ему никто не верил, он был известный охотник до девичьих грудей, поэтому видел их повсюду.

Кто-то встречал весп, формой идеально круглых камней, которые обточил прибор. Под их брюхом, говорили очевидцы, иногда торчал ровный слюдяной круг, а рядом с ним вспыхивал и загорался огонёк, как брюшко кузнечиков-светляков в тёмной глубине джунглей. Чаше же всего огонька не было.

Шаман Маттеус Коричневый Коготь клялся, что видел веспу размером с деревню, а глазищ у той было «больше, чем выдр во время Чёрной Волны».

Жители спорили друг с другом, но шаману не перечили. Если он видел именно такую веспу, то кто они такие, чтобы оспаривать его утверждения?

Пусть шаман редко выходил за ворота деревни, зато он варил из корней папполлы и семян макой волшебный сок «делирант». Один глоток магического напитка позволял шаману окинуть взглядом весь мир островов, плывущий в горячих водах Бесконечного Осеано. Разве можно спорить с человеком, который видел мироздание и всё множество островов?

Первые веспы были замечены три оборота островов тому назад. Поначалу очевидцам никто не поверили, подозревая, что они нарушили запрет на узнавание тайны – съели добытые семена макой, вместо того, чтобы сдать шаману своей деревни.

Позже, вместе с торговцами из соседней деревни, пришли вести, что весп там видели давно и много. Сомневаться в реальности весп стало признаком отсталости.

Частое появление этих сущностей над деревнями мира вынудило шаманов всех деревень собраться на совет, чтобы решить: что несут веспы людям, благо или зло? Были опрошены все свидетели встреч с сущностями обратного мира.

Среди однообразных рассказов, мол, «шёл по берегу, услышал звук, увидел веспу», выделялась история шамана из деревни Ниннария, на крошечном острове, что на краю мира. Шаман утверждал, что был похищен веспой и доставлен на веспу-матку, которая сама не летала, но висела за облаками. Из её брюха и рождались остальные веспы.

«В брюхе веспы-матки, – рассказал шаман, – живут люди. Они похожи на нас, но не умеют говорить, а издают дикие звуки. Одеваются в странные мешки, покрывающие всё тело. Эти дикари раздели меня и тыкали палками, проверяя, живой ли я. Они были так глупы, что не поняли очевидного, поэтому решили уколоть меня иглой. Отчаявшись объяснить дикарям их невежество, я уснул. Очнулся снова в лапах веспы, которая принесла меня на то же место, где взяла».

После совещания, шаманы объявили шамана с крохотного острова криворуким невежей, неспособным правильно приготовить корень папполы:

– Твои слова неверны, ибо несостоятельны, – объявил Маттеус Коричневый Коготь. – Если существует матка-веспа, то должен быть и оплодотворивший её самец. Самец же должен постоянно рыскать по всему миру, искать пропитание для самки, как это делают выдры в период Чёрной Волны. Никто из нас самца веспы не встречал. Ну, а то, что ты видел в брюхе несуществующей матки людей, вообще граничит с намеренной ложью.

Шамана заставили отречься от своей истории. Он признался, что неправильно сварил напиток и выкурил слишком много листьев макойи. Любой шаман знает, что нельзя смешивать дым и жидкость.

Совет пришёл к решению, что веспы ещё не проявили себя ни враждебно, ни дружелюбно, а это знак того, что люди островов подверглись неизвестному испытанию, которое, само собой, предвосхищало конец времён, о котором твердил каждый шаман, возвращаясь из неподвижного странствия с помощью магического сока делиранта.

Хавьер и не представлял, что именно он станет первым человеком, на которого укажут веспы, раскрывая свою сущность...

ПРОДАЖНАЯ ТВАРЬ

Иван Лавинь, шеф-капитан Первого Отделения Жандармерии, с презрением смотрел на своего младшего брата. Тот сидел напротив его стола на неудобном стуле для посетителей. Иван специально сделал сидение стула покатым, чтобы посетители не засиживались.

Ерофей Лавинь был младше Ивана на семь лет, но выглядел старше на все двадцать. Волосы седой бородёнки остро топорщились, как намагниченная металлическая стружка. Осунувшееся лицо, красные глаза и мелкие нервные движения пальцев дополняли образ несчастного пейзажиста, потерявшегося в столице Империи.

Запущенный вид брата подтвердил подозрения Ивана в том, что Ерофей продолжал «собственное расследование», то есть шлялся по улицам Моску, заглядывал в бандитские притоны, о расположении которых вычитал в криминальной хронике.

Бандитскими эти притоны были лишь в воображении журналистов. На самом деле Ерофей бродил по дешёвым кабакам, нарываясь на неприятности. Царапины и ссадины на лице указывали на то, что охранники, устав от плохо одетого пейзажиста, который задавал посетителям странные вопросы о мёртвых девочках, отрабатывали на нём боксёрские приёмы, а потом выкидывали за дверь.

Ерофей поднялся со стула для посетителей и сделал шаг вперёд. Грязная одежда колыхнулась на нём, как простыня на трупе:

– Иван, я не должен был... Прости.

Иван откинулся в кресле и брезгливо поглядел на брата:

– А ну сядь обратно, слышишь?

Вены на тощей шее Ерофея вздулись от волнения:

– Ты не имеешь права судить. Я не могу сидеть, когда... – Вены сдулись, Ерофей поперхнулся словами и послушно сел.

Теперь Иван Лавинь резко поднялся с кресла. Поправил белый ремень мундира – из-за выросшего живота, ремень постоянно спускался куда-то вниз, в ту зону тела, которую шеф-капитан давно уже не видел. Уперевшись кулаками в стол, Иван Лавинь перегнулся через него, приблизившись лицом к брату. Тот отпрянул и качнулся на стуле.

– Когда что? – зловеще переспросил Иван, зная, что тон его голоса пугал брата.

– Когда... всё неясно. Где моя девочка? Её нет, её не ищут...

– Мне показалось, или ты обвиняешь меня в чём-то?

Ерофей сипло выдавил из себя «нет». Но тут же вскочил и грохнул кулаком по столу:

– Да, чёрт побери, обвиняю! Люди пропадают сотнями, а вы... ты...

– Что мы? Что я?

– Вы сидите и ничего не делаете. Продажные твари! Я сам собрал информацию о дочери. Я за неделю сделал больше, чем всё ваше продажное отделение.

Перегнувшись через стол, шеф-капитан коротко и быстро ударил брата в челюсть.

Ерофей мгновенно успокоился.

Стул под ним словно приобрёл ещё большую наклонную поверхность. Хватаясь за столешницу, Ерофей повалился на пол, утягивая за собой бумаги и шнур ординатёра. Иван спокойно придержал экран и вырвал шнур из рук брата.

Потирая ушибленную кисть, Иван поднялся и обошёл стол. Пнул Ерофея:

– Вставай. Встань, я сказал.

Мотая головой, брат поднялся и косо сел на стул. Сплюнул кровь и поднял голову:

– Сука... гад... имбециль.

Иван ухватил Ерофея за волосы и повернул его лицо к себе:

– Теперь слушай.

– Дармоеды... шлюхи в законе...

Иван рванул брата за волосы. Тот закричал и схватился за его руку, не решаясь применить силу. По опыту знал, что будет только хуже.

– Слушай меня, дурак. Оленька – моя племянница. Я не претендую, что её пропажа подействовала на меня так же, как и на тебя. Ты отец, твоё горе безгранично. Но не смей, слышишь, не смей говорить, что я ничего не делаю! Понял?

– П-понял... отпусти волосы.

В ответ Иван дёрнул седые вихры брата:

– Ерофей, прекращай бухать и фантазировать, что ты ведёшь расследование. Ты фермер, а не сыщик. Всё кончится тем, что тебя грохнут в каком-нибудь кабаре, где, если и пропадают люди, то по вполне ясным причинам.

От боли и унижения у Ерофея потекли слёзы. Он держался за руку брата, боясь новых рывков за волосы.

– Я... я не могу ничего не делать. Кроме того, у меня есть результат.

Не отпуская волос, Иван подвинул к Ерофею табло с его личным делом:

– Вот он, твой результат! Тебя второй раз арестовали за оскорбление императорского величества. Я не могу тебя постоянно отмазывать, слышишь? Однажды ты пойдёшь на каторгу за свои слова.

– Я был пьян.

– Ты нанёс оскорбление чести.

Ерофей дёрнулся:

– Да к чёрту твоего императора. У меня есть зацепка на похитителей людей!

В ответ Иван Лавинь только крутанул волосы, выжимая из глаз брата новые слёзы:

– Возвращайся домой, в деревню, зацепщик херов! Твоей жене так же плохо, как и тебе. А ты шарахаешься по миру своих фантазий, пока жена тянет на себе хозяйство фермы. Она у тебя вместо трактора или комбайна?

– Отпусти волосы!

– Твоё место возле жены, а не в грязных водах Ривьер де Моску, где скоро обнаружат твой раздутый труп.

Иван Лавинь отпустил волосы Ерофея. Открыл дверь в смежную с кабинетом ванную комнату:

– Умойся.

Поглаживая голову, Ерофей покорно прошёл внутрь. Осмотрел ванну и душевую кабинку:

– Хорошо вы устроились на деньги налогоплательщиков. Даже унитаза чистые.

– Ещё одно слово, и я обмакну тебя в этот унитаз. Убедишься, какой он чистый.

– «Империя – это сила!» – Ерофей саркастично произнёс строчку из гимна и заткнул слив раковины пробкой, чтобы наполнить водой.

Пока брат умывался, забрызгивая мраморные стенки розовыми каплями, шеф-капитан смотрелся в зеркало и утирал с лысой головы пот. Достал из зеркального шкафчика аптечку. Извлёк баночку и отвинтил крышку. Присел на закрытый унитаз.

Ерофей выключил воду и посмотрел на баночку:

– Не надо меня лечить. Кровь больше не идёт.

– Я и не собирался тебя лечить. Помылся? Теперь вали отсюда. Вообще убирайся из Моску.

Шеф-капитан смочил вату зелёнкой и обработал костяшки своих пальцев, дуя на кожу, содранную о зубы брата.

Ерофей продолжал стоять.

Шеф-капитан поднял на него взгляд, поморщился, как от боли. То, что он сидел на унитазе, добавляло сходства к сравнению, будто у шеф-капитана, при виде брата, приключился запор:

– Ладно, говори, какую зацепку ты нашёл в кабаре?

– Данные, что я получил, стоили мне три тысячи эльфранков.

Брови Ивана Лавинь так красноречиво взметнулись, что Ерофей поспешил пояснить:

– Продал часть земли и... и трактор. И комбайн.

– Как же вы пашете?

– Сейчас никак... Позже возьму кредит под залог имущества.

– Ну и кретин же ты, Ерофеюшка.

– Но ты послушай, что я узнал! Один из следователей по делу массовой пропажи людей подогнал мне документы, подтверждающие, что на месте преступлений были обнаружены следы органики, содержащей один и тот же ДНК.

– Чей ДНК?

– ДНК синтезанов.

При этих словах шеф-капитан мгновенно сменил презрительное выражение лица на озабоченное:

– Ерунда какая-то. Не было ничего такого в деле.

Ерофей торжествующе сжал кулак:

– Следователь утверждал, что эти материалы были удалены из дела.

Шеф-капитан закрутил крышечку на баночке с зелёнкой. Если бы брат присмотрелся, то увидел, что пальцы Ивана мелко дрожали.

– Представляешь? – радостно орал Ерофей. – Какие-то синтезаны похитили тысячу граждан Империи, а Жандармерия покрывает этих преступников! Вот это поворот, не так ли, братец мой, мосье Иван Лавинь, шеф-капитан Имперской Жандармерии?

– Тебе впарили чепуху, дебилушка. Зря продал трактор. И комбайн.

– Документы у меня. Можешь сам убедиться, что на них электронные реквизиты твоей канцелярии.

– Подделка.

– Я высылал копию специалисту по криптографии, он подтвердил, что криптоштемпель подлинный.

Иван Лавинь унял все признаки волнения, вернув на лицо привычное выражение покровительственного презрения:

– Ага, а сколько так называемый «специалист» взял за экспертизу? Ещё тысячу? Ерофей, в тебе все видят пейзажника и обманывают на каждом шагу.

– Почему ты не хочешь просто посмотреть на документы? Когда убедишься в их подлинности, тебе придётся начать внутреннее расследование. Ведь кто-то покрывает преступников прямо из недр твоей организации. Разве ты не хочешь узнать, кто этот предатель?

Шеф-капитан поднялся с унитаза:

– Всё, чего я хочу, это чтобы ты вернулся к жене, на ферму. Хозяйство в упадке, а ты занят чёрте чем. Кроме того, эти фрондёрские высказывания об его величестве Володимаре Третьем... держи их при себе.

– А документы?

– Хорошо, хорошо, – Иван нетерпеливо кивнул. – Тащи завтра свои документы. Посмотрим, что к чему. После этого, слышишь, сразу вали на ферму и не лезь не в свои дела.

Немного помедлив, Ерофей вздохнул и вышел.

– Запомни, – прокричал ему вслед Иван Лавинь. – Ещё раз у меня в Жандармерии появишься – посажу в камеру. Если не за оскорбление императорского величества, то приду-маю за что. Хотя бы за то, что ты уже месяц живёшь в Москву без регистрации.

Оказавшись вне досягаемости кулаков старшего брата, Ерофей огрызнулся:

– Вы, продажные твари, всегда найдёте, за что посадить честного человека.

Не дожидаясь реакции шеф-капитана, Ерофей выбежал, хлопнув дверью.

Иван Лавинь добродушно усмехнулся. Добродушно ровно настолько, насколько позволяла его внешность прожжённого взяточника, грубияна и любителя предаться всем доступным порокам. Сложил аптечку в шкафчик и поправил перед зеркалом воротник мундира, отметив, что пара капель крови всё же попала на сорочку.

Снова усмехнулся: прямо как в старые добрые времена, когда он только учился выбивать из подозреваемых нужные показания.

ПОРОЧНАЯ ТВАРЬ

Иван Лавинь прошёл в кабинет и сел в кресло за столом. Полминуты сидел с закрытыми глазами: старался избавиться от мыслей, связанных с братом.

Из-за дверей доносился гул голосов.

Приёмная шеф-капитана, как обычно, наполнена посетителями, просителями и родственниками подсудимых. Они кричали, угрожали «пойти вверх по инстанции», умоляли и настаивали «немедленно принять».

Шеф-капитан нажал кнопку интерфона, вызывая своего аджудана:

– Докладывай.

– Докладываю, мой капитан, ваш брат покинул здание почти без скандала.

– Почти?

– Глядя на портрет Императора, он позволил себе грубую реплику.

– Слышь, какую реплику?

– Я процитирую... «Володимар – это главарь банды выживанцев, а не Император». Как вы и просили, я не стал задерживать гражданина Лавинь за публичное оскорбление члена императорской семьи.

– Спасибо.

– Если Ерофей Лавинь продолжит в таком же духе, то его снова задержат. Мы больше не сможем покрывать правонарушение. Нам и за эти влетит, если узнают.

– Да, аджюдан... да, я понимаю. Куда он отправился?

– Согласно протоколу, я установил наружное наблюдение через муниципального беспилота. Ерофей Лавинь движется по авеню Кирилла де Рене, предположительно в сторону станции метро. Вывести изображение с беспилота на ваше табло?

– Мерси, аджюдан, не надо. Слежку снять.

– Мой капитан, осмелюсь напомнить, что согласно указу «О пресечении распространения бунтарского движения Фронда», лица, публично высказывающие оскорбление Императорскому величию, необходимо отслеживать, выясняя степень принадлежности к революционному подполью.

– Я знаю, – устало сказал Иван Лавинь. – Слышь, я один из тех, кто разрабатывал этот чёртов указ. Слежку снять.

– Но...

– Никаких «но».

– Есть, мой капитан.

Иван отключил связь. Выдвинул ящик стола и достал пудреницу. На крышке – герб Империи Рूसии и объёмные буквы «Первое Отделение Жандармерии».

В пудренице лежали два пакетика: с белым легальным порошком и пакетик с контрабандной чёрной пудрой из Санитарного Домена. Не колеблясь, Иван Лавинь достал чёрный пакетик и серебряную трубочку.

Раскатал на столешнице дорожку пудры, взялся за трубочку... и снова вернулся к кнопке интерфона:

– Аджюдан?

– Да, мой капитан, привязку беспилота к гражданскому чипу Ерофея Лавинь отключил...

– Молодец, но я по другому вопросу. Зайди ко мне. Захвати материалы дела о похищениях.

– Массовые пропажи граждан? – уточнил аджюдан. – Осмелюсь напомнить, все материалы доступны в директории...

– Аджюдан, просто принеси табло, мне некогда лазать по директориям.

– Есть.

Иван Лавинь ожидающе смотрел на горку чёрного порошка, задумчиво постукивая трубочкой по столешнице.

В дверь постучал и тут же, не ожидая разрешения, вошёл аджюдан Костя Бернст: тридцатилетний молодчик с невероятно широкими плечами, увеличенными за счёт погон и очень узкой талией, вдобавок утянутой, широким ремнём с гербом Империи на пряжке.

По тону начальства, аджюдан понял, что разговор будет особый. Не дожидаясь приказа, закрыл дверь на замок.

– Садись, Костя. – Шеф-капитан показал на стул, с которого недавно падал Ерофей.

Аджюдан Костя слегка поклонился, скрипя кожаным ремнём, и сел. Потом встал, поправил наклонное положение сидалища и снова сел. Его широкие плечи с белыми жандармскими погонами идеально соответствовали параллели столешницы.

Костя положил перед собой ординатор-табло с раскрытыми документами и замер.

– Угощайся, – придвинул ему пудреницу Иван Лавинь.

– Чёрная! – восхитился Костя и извлёк собственную пудреницу. Вынул из неё трубочку, но к порошку не прикоснулся, ожидая действия начальства.

Иван взял ординатор-табло и пролистнул несколько документов. Со вздохом отложил:

– Глаза мои болят читать всё это. Ты же, Костя, ориентируешься в материалах дела о пропаже людей?

– Конечно, мой капитан. Все ресурсы Жандармерии направлены на это дело. Резонанс в обществе. Люди в панике. Каждый думает, что его могут похитить.

– Но ведь похищают не каждого?

– Да. Все похищенные – это люди в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет.

– Дочери Ерофея Лавинь было четырнадцать.

Аджудан Костя пожал плечами: параллельные линии столешницы и погон нарушились и вернулись к равновесию.

– Четырнадцать-пятнадцать, девочки в этом возрасте не особо отличаются. Вы-то лучше меня знаете.

Иван Лавинь заворочался в кресле:

– Давай без шуток.

– Простите, мой капитан.

– И без субординации.

– Есть.

– Мы влипли, Костян. Мы в говне по самые ноздри.

– Почему? – Костя насторожился и решительно отложил трубочку, которую только-только прислонил к ноздрям.

– Помнишь данные из лаборатории криминалистики?

Костя воровато оглянулся, будто убеждался, что в кабинете никого больше нет:

– Да... я поступил так, как ты приказал.

– Не сомневаюсь. Какого рода была информация, которую нас попросили удалить?

– Анализ органических структур, обнаруженных на месте преступления.

– Вот-вот, про органические эти, как их там... расскажи подробнее. Там было что-либо про ДНК?

– Да.

– У тебя копий не сохранилось?

– Какие в жопу копии, Ваня, – забыв о сдержанности, возмутился аджудан. – Главным условием сделки было как раз удаление всех материалов. Какой смысл сохранять копии?

– Да, да... ты прав.

– Тогда в чём проблема, мой, чёрт тебя дери, капитан?

– В том, что копии кто-то сохранил, и они свободно гуляют по чёрному рынку, – гневно выкрикнул Иван Лавинь. – Любой пейзажник купить может.

– Ты уверен?

– Почти, – с сомнением ответил Иван.

Аджудан Костя вернул почтительный тон голоса:

– Этот «любой пейзажник» – твой брат?

– Не важно. Не смей его трогать, слышишь?

– Так точно, – с сомнением ответил аджудан. – Но мы не можем допустить, чтобы эти сведения распространились. Нас же вздрючат канцеляриты.

– Я завтра всё решу по-семейному. Возможно, придётся заплатить.

– Сколько?

– Минимум три тысячи эльфранков.

– С каждого по полторы штуки?

Иван Лавинь кивнул. Костя уверенно взялся за трубочку:

– Не переживай, мой капитан, мы просто исполняли приказ. Приказ исходил из Имперской Канцелярии, так что, если потянут нас, то мы потянем канцеляритов. – С этими словами вставил трубочку в ноздрю и вдохнул чёрной пудры.

– Как бы нас не сделали крайними в этом деле. Императору, слышишь, сейчас самое время бросить фрондирующему народу кость в виде разоблачения продажного жандарма и его приспешника.

Закончив фразу на полушёпоте, Иван тоже вставил трубочку и вдохнул пудры.

Несколько секунд жандармы молча сидели, откинувшись на спинки кресел и запрокинув головы.

Когда их немного отпустило, Иван выдохнул:

– Что ты знаешь про синтезанов? Есть знакомые?

– Синтезаны? Откуда.

– ДНК с места преступления принадлежало синтезану. Помнишь, пару лет назад, до начала войны была какая-то движуха с синтезанами? То ли они кого-то захватили, то ли их...

Костя поспешно подтвердил:

– Был такой, Клод Яхин, командан Приватной Военной Компании.

– «Эскадрон Клода»? Слышал, слышал, работали вместе даже. Сейчас ими какая-то баба управляет?

– Ну и вот, слушай, про бабу эту. Во время миссии по заказу Глапп Корпорасьён, где-то в Неудоби, эскадронцы нашли бандуру старинную, ещё добедовую, которая синтезировать людей могла. Клод и решил на себе её испытать.

– Я помню отца Клода, рискованый был парень. Вроде глупо умер под огнём собственной артиллерии?

– Ага, это семейное у них, ха-ха, наследственное.

– И что? Клод замутил своего клона?

– Более того, – Костя залился хриплым смехом, от которого из ноздрей вылетело несколько размякших комков чёрной пудры: – У него синтезан получился в виде тёлки*.

– Это ещё как?

– Ну, типа, трансгендерное клонирование.

– Этот Клод, извращенец что ли?

– Он не специально. Сбой в программе АКОСа или вроде того.

– АКО... чё?

– Аппаратный Комплекс Органического Синтеза. Я не знаю, как он работает, мой капитан. Короче говоря, биороботов из пробирки выпускает.

Иван Лавинь сделал ещё две дорожки чёрной пудры:

– Дальше что?

– В этом деле многое засекречено Канцелярией. Но я точно знаю, что война с Австралией из-за этого бабского синтезана и началась.

– Да ну? Я считал, что из-за подлого нападения австров на наши торговые суда.

– Ну, Ваня, ты же знаешь Имперскую Канцелярию. Они и не то насочиняют.

– Ты поосторожней со словами. Сам-то фрондёрские лозунги не распространяй.

– Пардон, мой капитан. Короче, был там замес серьёзный. Точно не могу сказать, что именно произошло, засекречено же. Но если верить военным, эти эскадронцы чуть ли не весь мир спасли. И всё под руководством этой Жизель...

– Клонихи?

– Ага. Но правильнее сказать «синтезанихи». Бойцы Эскадрона Клода «содействовали сокрушительному поражению врагов Империи», как теперь имеют право писать на своём штандарте.

– Точно, теперь вспоминаю, – воскликнул Иван Лавинь. – Эскадрон за это наградили званием «почётного императорского». Мне приглашение приходило на презентацию. Но я тогда в Нагорной Монтани был, руководил обучением местных жандармов.

– Зря не пошли. Во время праздника, при скоплении держателей акций случился переворот в управлении пэ-вэ-ка.

– Какая причина переворота?

– Клод получил тяжёлую степень инвалидности. Бывший финансовый директор эскадрона задумал сместить его и сам заделаться команданом. Но Жан-Люка в свою очередь сместила эта синтезаниха, Жизель, обыграв его на его же юридическом поле...

– Жан-Люк? – Воскликнул Иван Лавинь. – Этот ублюдок?

– Знакомы?

– В молодости схлестнулся с ним... Теперь понятно, почему, после смерти отца Клода, именно этот эскадрон перестал делиться разведанными с Жандармерией.

– Жан-Люк больше не работает там. Он вообще исчез неизвестно куда.

– А ты откуда всё это знаешь?

– Мой племянник после военной академии проходил практику в «Эскадроне Клода».

Иван Лавинь втянул последние крошки пудры и захлопнул пудреницу, показывая, что пора закругляться. Костя подскочил, поправил параллельность погон:

– Так что эта тёлка, Жизель, единственный известный синтезан во всей Моску. Может, есть и другие, но я не знаю.

– Назначь с ней встречу на завтра после обеда.

– Официальный допрос?

– Нет, оформляй пока что как консультацию по профессиональным вопросам. Кто знает, вдруг эти синтезаны собираются в клубе, обсуждают жизнь.

Костя взялся за дверную ручку:

– То есть вы, мой капитан, собираетесь принять личное участие в расследовании?

– Придётся, Костян. Придётся.

Выпроводив аджудана, Иван вернулся к столу. Послал в приёмную сообщение, что до завтра его не будет, и выключил ординатёр.

Достал из недр стола мешочек чёрной пудры побольше предыдущего. Включил «Радио Шансон», снял китель, развязал галстук и бросил на спинку кресла.

Трагедия, приключившаяся с его братом, долго болтались на периферии сознания, ожидая своего часа, чтобы вторгнуться в мысли Ивана. Теперь эта трагедия появилась в сопровождении угрозы разоблачения, что окончательно выбило шеф-капитана Жандармерии из привычного хода жизни.

Иван Лавинь втянул пудру, выдохнул и пробормотал:

– Неужели... неужели мне стыдно за тот случай?

Расстроенное, изрезанное старческими морщинами лицо младшего брата, укоризненно висело перед его взором до тех пор, пока шеф-капитан не унюхался настолько, что свалился под стол и забылся тяжёлым сном пудрилы.

Вспоминать лицо Оленьки, пропавшей племянницы, он опасался больше всего.

Примечания

– У него синтезан получился в виде тёлки*

Константин пересказывает одну из сюжетных линий романа «Белый мусор».

ВОЗДУШНАЯ ТВАРЬ

Шаман Маттеус Коричневый Коготь выслушал рассказ Хавьера о том, как веспы спасли его от выдр и сказал:

– Знамения прошлого сошлись в одно предсказание новых дней.

Вся деревня собралась на большой поляне в центре деревни. Даже стражники у ворот прислушивались, вытягивая шеи.

Шаман сидел на квадратном камне, вкопанном возле огромного глиняного котелка. Сейчас котелок накрыт тяжёлой крышкой из древнего металла. Костёр под котлом зажигали только с наступлением периода Чёрной Волны.

В этом котле будут варить еду на всех жителей деревни Невуазу в дни Чёрной Волны.

«Когда открывается крышка, тогда закрываются ворота» – гласила пословица.

– Эти знамения связаны Огненной Нитью Плат-а-Форма, да не погаснет его огонь, – продолжал Маттеус Коричневый Коготь.

Жители хором издали возглас, сопровождающий любое упоминание бога Плат-а-Форма.

– Веспы показали, на чьей они стороне. Недаром они явили свою силу перед самым началом сезона Чёрной Волны. У меня предчувствие, что жизнь людей во всём мире изменится. Отныне мы под защитой весп. Ни одна выдра не осмелится выйти из Бесконечного Осеано и напасть на нас безнаказанно.

Жители загомонили, выражая согласие. Всем вдруг захотелось перемен, даже если те происходили из неясных предсказаний шамана.

Хавьер стоял возле котелка. Гордился, что стал вестником знамения весп. Его рассказ был передан гонцу и отправлен в соседнюю деревню, дабы распространить среди всех людей мира.

«Меня не накажут даже за то, что я оставил буффал на берегу, – думал Хавьер и чванливо поглядывал на сверстников. – Теперь моя судьба зависит от моей настойчивости. Нужно закрепить положение проводника между людьми и веспами...»

Хавьер остановил мечтания и опасливо посмотрел на шамана.

В любой деревне именно шаман являлся проводником потустороннего в наш мир. Приняв волшебный сок, шаманы объясняли, почему солнце иногда накрывал чёрный диск – это воздушный остров, проплывал. Рассказывали, почему иногда тряслась земля, а на берег приходила огромная волна, принося разрушения, – это шевелилась Большая Выдра. Поясняли, почему каждый сезон выдры выходили на берег и устраивали охоту на людей – Большая Выдра хотела есть... и многое другое.

Припоминая всё это, Хавьер расстроился: навряд ли шаман позволит какому-то мальчишке-пастуху говорить от имени веспы. Но попытаться надо, ведь он, Хавьер, избранный!

Хавьер вдруг с тревогой прислушался к словам шамана:

– То, что веспа изъявила милость к никчёмному жителю нашей деревни, подтверждает наше происхождение непосредственно от самого бога Плат-а-Форма. Что будет дальше с Хавьером, я решу утром.

Шаман поднялся и больно ткнул Хавьера посохом в спину:

– На нём я вижу два знака: благодати и глупости. Оба знака в равновесии. Веспы ещё не сказали последнего слова. Ведь буффалы разбежались и были поедены выдрами. Как мы встретим Чёрную Волну? Что мы будем есть?

Чванливость резко слетела с лица Хавьера. Он испуганно оглядел толпу сородичей. Мать утирала слёзы. Отец сурово смотрел в сторону. Сверстники, недавно завидовавшие ему, смотрели презрительно: вот же дурак, упустил всё стадо!

Шаман ещё раз огрел Хавьера посохом по спине и удалился в свою хижину. За ним прощались его сыновья, а заодно и сборщики кореньев, для получения указания, какие растения и в каком количестве нужно принести из джунглей. Шаман Маттеус Коричневый Коготь собирался сварить делирант и погрузиться в истинное знание.

Размазывая слёзы, Хавьер выскочил за ворота и побежал через джунгли. Бежал до тех пор, пока не достиг той части берега, где веспа спасла его от выдр.

Стая птиц сорвалась с тел мёртвых животных. От буффал неторопливо отбежали дикие собаки-кашорро. Людей они боялись, но на Хавьера могли бы напасть, если бы узнали, что он один. Хавьер вытащил из песка большой камень и запустил в стаю. Поджав хвосты, кашорро скрылись в джунглях. Птицы покружили над выдрами, опустились обратно и продолжили терзать туши крепкими клювами.

Хавьер сам не знал, что будет делать на берегу. Найдёт обглоданные кости буффал? Ну, вот, нашёл. Но что с ними делать? Отнести кости в деревню? Это не спасёт сородичей от голода. Доверенное Хавьеру стадо было самым большим. Он до конца жизни не расплатится с владельцами буффал.

Хавьер сел на камень:

– Лучше бы меня выдры съели.

Сполз на колени и поднял руки к небу:

– Веспы! Разве вы меня спасли от выдр для того, чтобы шаман проткнул меня отравленным посохом? Умоляю, верните свою благосклонность, если она вообще была...

От его крика птицы снова всполошились, а несколько осмелевших кашорро, что незаметно глодали буффал, метнулись обратно в джунгли.

Сегодня облака особенно низко, как обычно в преддверии сезона Чёрной Волны. Сквозь слёзы и мельтешение сотен птичьих крыльев, Хавьер разглядел в облаках тёмное пятно. Оно быстро увеличивалось. Чувствовалось, что нечто огромное пробивалось сквозь нагромождение туч.

Опустив руки, Хавьер застыл, глядя, как последний слой облаков разошёлся, словно некий гигантский шаман провёл рукой над паром из котелка, где варился делирант, перед тем как его выпить. Тёмное пятно приобрело очертания продолговатого гигантского тела, размером с остров.

Уши Хавьера заполнил низкий гул, напоминающий бесконечно длящийся раскат грома. Сквозь него послышался вой напуганных кашорро в глубинах джунглей. Птицы хлопали крыльями, сталкивались в воздухе, не зная, куда деваться от нависшей над островом тени.

Небесное тело блестело так же как бока весп. Торчали такие же неподвижные крылья, но размахом с деревню. Под крыльями Хавьер разглядел непонятные удлинения, вокруг которых вились несколько весп. Как детёныши вокруг сосцов матери.

– Веспа-матка, – пробормотал Хавьер. – Шаман крохотного острова был прав. Веспа-матка существует!

Одна маленькая веспа снизилась и зависла над Хавьером. Кажется, та самая, что спасла от выдр, заплевав их насмерть своим ядом.

Хавьер взметнул руки в мольбе и закричал:

– Передай веспе-матке, что Хавьер из деревни Невуазу просит спасения! Шаман меня убьёт и сделает из моего черепа чашу для волшебного сока, чтобы разговаривать с вами. Спасите Хавьера, сделайте его вашим проводником к людям.

Веспа спустилась ниже. Хавьер услышал, как в её недрах что-то заскрежетало, затрещало, и она сказала человеческим голосом:

– Поднимись с колен, Хавьер, опусти руки и стой смирно. Не бойся, мы не причиним тебе вреда.

Хавьер сделал, как его просили. От веспы-матки оторвалось ещё несколько маленьких весп. Из той веспы, что говорила по-человечьи, вывалилась сетка, как для ловли рыбы.

Хавьер не успел испугаться, как сетка его накрыла. Почувствовал, что его оторвало от земли. В сетчатом мешке он не удержался на ногах и упал на спину, испуганно хватаясь за тонкие нити, барахтаясь, как пойманная рыба.

Он полетел к брюху веспы-матки. Брюхо быстро увеличивалось и скоро заняло всё небо. Хавьер разглядел её многочисленные ноздри, из которых иногда выходил дым, будто матка курила листья макойи.

То, что он считал сосцами, вблизи оказались продолговатыми трубами с заострённым концом, красным как нос утки, утыканные маленькими крылышками.

Точно такую же трубу он видел в деревне соседнего острова. Она считалась их талисманом. По преданию труба была создана во времена Плат-а-Форма и когда-то могла летать, достигая небесного острова.

Предания никогда не врут. Вот и сейчас, появилась веспа-матка, предрекая наступление последних времён.

«Интересно, – подумал Хавьер. – Успеет ли шаман выпить сок и увидеть, как я возношусь в тело веспы-матки? Ведь тогда меня точно нельзя убивать...»

В брюхе матки открылось ровное продолговатое окно, как лаз в погреб. Веспа внесла Хавьера внутрь матки. Он последний раз увидел воды Бесконечного Осеано, полосу джунглей и даже край родной деревни.

Погреб закрылся.

Хавьер почувствовал, что полёт прекратился, и сетчатый мешок лёг на холодный пол. Веспа скрылась где-то в темноте.

Глаза медленно привыкали к полумраку. Помещение освещалось тусклыми прямоугольными лампадами...

Хавьер быстро вскочил на корточки – со всех сторон его обступили люди, одетые в доспехи из ткани, будто у них не было железа или тростника, чтобы сделать настоящие.

Впереди всех стояли трое: красивая женщина с тёмными волосами, собранными в такую сложную причёску, что сам шаман позавидовал бы. Рядом с ней – мужчина с дощечкой в руках, похожей на те, на которых женщины резали овощи. Поверхность дощечки светилась. Мужчина смотрел то неё, то переводил взгляд на Хавьера.

Третий мужчина, с худым бледным лицом, время от времени прижимал к губам ладонь, словно сдерживал рвоту. Сквозь приступы тошноты он булькающе произнёс:

– Ола, Хавьер.

На языке народа Хавьера «Ола» означало «Привет».

ЛЕНИВАЯ ТВАРЬ

Более пяти лет Иван Лавинь занимал пост шеф-капитана Жандармерии. За это время он понял, что если и найдётся в Империи Рूसии человек более коррумпированный и порочный чем он, то это шеф-капитан жандармерии, проработавший на своём посту более шести лет.

Сразу после окончания Жандармского Корпуса молодой Иван Лавинь столкнулся с тем, что не упоминалось на юридической кафедре: любой преступник выпускался на свободу, после просьбы от могущественных людей из Парламента или Двора. Любой насильник, когда выяснялась его родовая принадлежность, сразу из камеры, не стерев ещё кровь жертвы с ладоней, отправлялся домой с почётным эскортом из жандармских бронепежо. Ведь некоторые родственники жертв не соглашались с правосудием и стремились самостоятельно наказать обидчика. Вместо насильников, сажали изнасилованных.

Иван был хорошим учеником и быстро сориентировался. Его больше не удивляло, что конфискованную на границе с Санитарным Доменом чёрную пудру доставляли на склады конфиската, а на следующий же день, перемещали в грузовые пежо и увозили в неизвестном направлении.

Иван Лавинь не был героем. Если уж торговлю чёрной пудрой контролировали высокородные дворяне, то почему он, простой парень из провинции Коль-Мар, должен упускать возможность немного заработать?

Более того, он строго соблюдал закон в том случае, когда нарушения не исходили от вышестоящих. Под руководством Ивана раскрываемость преступлений главного отделения Жандармерии повысилась на порядок.

В прошлом году, в знак императорской милости, его пригласили на ежегодный бал «Друзей Императора». Такой милости, согласно официальному документу, он удостоился за служебные заслуги. Среди «заслуг», догадывался Иван, крышевание сделок по чёрной пудре и прочему конфискату.

Чем больше Иван Лавинь посвящал себя службе, тем чаще его хотели подкупить. Порочная система, о которой не упоминали на учёбе в Жандармском Корпусе, выработалась давно. Века, если не тысячелетия назад.

Если ты отказывался от взятки, тебя пытались неуклюже шантажировать. Если же выполнял приказ вышестоящих и пропускал новую партию чёрной пудры, доставленную через экопосты Санитарного Домена, то тебя лично благодарили, прислав в подарок малолетних шлюх.

Благодарности Иван принимал на квартире, о которой не знала жена. Денежными взятками он щедро делился с людьми из антикоррупционных комитетов, обеспечивая себе прочное положение в порочной правоохранительной системе.

При этом он никогда не смешивал личную, семейную жизнь с работой. Пятнадцатилетние шлюшки или их заменители, так называемые инфанки или инфетки, – это по работе. И если бы Иван вдруг подумал бы, что даренная девочка выглядела чуть старше Оленьки, дочери Ерофея, то он совершенно искренне скривился бы от отвращения. Мол, откуда у меня такие гадкие мысли? Работа – это одно, а личная жизнь...

Иногда Иван Лавинь горько думал: его выслуга лет на посту шеф-капитана Жандармерии заключала в себе такой набор прегрешений, что даже прелат Владислав, духовник Императора, не дотерпел бы до конца перечисления одних только сделок по чёрной пудре.

Иван Лавинь был негодяем, и знал об этом. Утешало лишь то, что остальные в этой системе – ещё хуже.

Но всё равно, с каждым годом Ивану Лавинь требовалось всё больше и больше пудры, чтобы уснуть и не думать о себе. Думать о других, он, оказывается, давно разучился.

...

Радиоприёмник на столе приглушённо бормотал:

«Террористы в Нагорной Монтани назначили мирным жителям цену за выход из региона боевых действий по гуманитарным коридорам. В листовках, распространённых от имени «Верховного военного совета Народной Армии» (организация запрещённая в Империи Рूसси), они установили тариф в двести ханаатских тоньга с человека. В пересчёте по официальному курсу, это примерно три тысячи эльфранков...»

Иван Лавинь всхлипнул, проснулся и приподнял голову с пола, прислушиваясь. Три тысячи эльфранков... кто-то уже называл такую сумму.

Он сел на пол и ощупал брюки:

– Вроде не обсосался.

Утренний выпуск новостей на «Радио Шансон» закончился.

Покряхтывая, шеф-капитан Жандармерии поднялся с пола, придерживаясь за стол. Нашупал пульт и выключил радио.

На экране настольного ординатёра мигали значки сообщений: подчинённые слали отчёты и документы на подпись. Присутствие Ивана Лавинь требовалось на двух срочных совещания, а ещё несколько срочных совещаний должен созвать он сам, чтобы раздать приказы.

Наладонный ординатёр валялся под столом и тоже светился всеми сигнальными лампочками и экраном, оповещая о десятке пропущенных вызовов, два из которых из Имперской Канцелярии.

Шеф-капитан провёл тыльной стороной ладони под носом, убирая засохшие комочки пудры. Нетвёрдым шагом пересёк кабинет, достал из холодильника бутылку апельсины и, не прерываясь, выпил до дна.

После чего стянул мятые брюки, трусы, рубашку и потную майку. Посмотрел на отражение своего грузного волосатого тела в полированной поверхности дверцы шкафа. Снял с лысой головы прилипший пакетик от пудры. Похлопал себя по животу и раскрыл дверцу шкафа, как бы смахивая своё отражение. Снял с вешалки выглаженную униформу и направился в ванную.

На мраморном полу ванной комнаты ещё валялись окровавленные ватки – вещественные доказательства вчерашней стычки с братом.

Иван Лавинь вышел из ванной комнаты преобразившимся. Форма шеф-капитана жандармерии любого человека делала представительным. А Иван и без того был крупным и широкоплечим. Тщательно брил голову налысо, чтобы не носить позорную плешь.

Конечно, выпирающее пузо портило осанку, но у кого из чинов силовых ведомств нет живота? Разве что у генерала службы Гражданской Обороны, Андрея Де Жолля, двухметрового дрыща и мужеложника.

Шеф-капитан сел за стол, взял щепотку чёрной пудры и втянул ноздрей, остатки слизал с пальца. Выдвинул ящик стола и одним движением смахнул туда весь беспорядок: горстки пудры, пудреницы, стеклянные и серебряные трубочки, пустые пакетики и листки бумаги, на которых он ночью, будучи в напудренном угаре, записывал стихи.

Начался очередной рабочий день.

Иван Лавинь нажал кнопку интерфона:

– Костя?

– Да, мой капитан.

– Ты договорился о встрече с этой... как там её, клонихой?

– Так точно, мой капитан. Только она синтезан, а не клон. Жизель Яхина, сказала, что может встретиться с вами в любое время до четырёх дня. Она будет на своей базе Форт-Блю.

– Тогда, слышишь, вызывай пежо и сам садись. Вместе поедem.

– Есть, мой капитан. Осмелюсь доложить. Приходил вестовой из службы Гражданской Обороны. Спрашивал, ждaть ли вас на совещание или начинать без вас?

– Пускай педераст Де Жолль проваливает к чёрту. Скажи, что я на другом совещании.

– Я так и ответил ему, мой капитан. Ну, кроме «педераста».

Иван Лавинь осмотрелся. Вспомнил, что наладонник остался под столом. Тяжело кряхтя, наклонился, водя рукой по полу. Лицо покраснело, даже на лысине выступили пятна.

Достал наладонник и пролистал список пропущенных вызовов. Сообщения от журналистов и пресс-служб различных ведомств удалял без сомнения. Над звонками из Имперской Канцелярии недолго поразмышлял и оставил.

Сунул наладонник во внутренний карман кителя и быстро покинул кабинет.

В приёмной толпились просители. Завидев шеф-капитана, бросились на него, протягивая бумаги и ординатёр-табло, требуя, подписать, завизировать или принять на выполнение...

Опустив фуражку как можно ниже, скрывая красные от пудры глаза, шеф-капитан протиснулся через толпу, бесцеремонно отшвыривал слабых просителей или давал знак дежурным жандармам, чтобы те оттащили сильных.

Бегство шеф-капитана вызвало ропот. Всех перекрыл недовольный возглас зажиточного, судя по яркой золотой вышивке на пиджаке, пейзажника:

– Я с утра сижу, а шеф-капитан меня так и не принял. Чем занимается Жандармерия?

Шагая на служебную стоянку, Иван Лавинь зачем-то повторял «чем занимается Жандармерия?» И отвечал: да ничем, как и многие граждане Империи.

Никто не хотел делать лишней работы, каждый спихивал её на нижестоящего, а нижестоящие тратили всё своё время на то, чтобы подняться по карьерной лестнице и самим скидывать свои обязанности на других.

Шеф-капитан Иван Лавинь и его аджудан Костя, сели на заднее сиденье капитанского пежо, отгородившись от водителя непрозрачным звуконепропускаемым экраном.

За окнами замелькали улицы Москвы. Пежо несло с включённой мигалкой. Изредка водитель кричал в громкоговоритель, требуя уступить или пропустить. Пробки объезжали или по встрече или по пешеходной части.

– Я перевёл полторы тысячи эльфранков на твой счёт, – сказал Костя.

Шеф-капитан ответил коротким кивком.

– Далее, – аджудан достал ординатёр-табло. – Утром ты был недоступен... Императорская Канцелярия требовала немедленно отреагировать и доложить о прогрессе в расследовании...

– Каком ещё расследовании?

– Сегодня ночью, примерно в четыре часа, было заявлено о пропаже пассажирского дирижабля, рейса из Москвы в провинцию Фенье. Весь рейс был выкуплен молодёжной фехтовальной сборной провинции Фенье.

– Твою же мать...

– Осмелюсь доложить, мой капитан, твоё молчание в связи с этим случаем очень расстроило Имперскую Канцелярию.

– Твою же мать... – повторил Иван Лавинь. – Слышь, надо завязывать с пудрой на рабочем месте.

– По крайней мере, с чёрной, мой капитан. Очень уж она мощная.

– Что выяснили следователи?

– Воздушный патруль прочесал местность по маршруту следования дирижабля. В восемь утра, на территории провинции Фенье была найдена пассажирская гондола. В пятидесяти метрах от гондолы обнаружены остатки купола. Предположительно дирижабль подбит ручным ракетным комплексом, что вынудило его пойти на снижение. Потом его взяли на бордаж.

– Почему они не послали сигнал тревоги?

– Его блокировали.

– Террористы? Фрондёры? У кого ещё может быть такое оборудование?

– Боюсь, что нет, мой капитан. В гондоле не найдено ни одного пассажира младше двадцати пяти. В наличии следы крови, но ни одного трупа молодых фехтовальщиков. Трупы капитана и команды, а так же тренеров сборной найдены поодаль. Все убиты из огнестрельного оружия. Радиомаяк дирижабля уничтожен. Так что с него никаких данных не получить.

– Твою же мать.

– Имперская Канцелярия снова пробовала дозвониться до тебя, чтобы выступил на срочной пресс-конференции. Ну, заверить население, успокоить родственников, пятое-десятое.

– Я понял, понял. Кто выступал от имени Жандармерии?

Костя скромно кашлянул.

– Молодец, аджудан, отправь мне запись прессухи.

– Осмелюсь доложить, я взял на себя смелость и упомянул, что ты не смог участвовать в конференции, так как выехали на место преступления. Так что нужно хотя бы для вида сгонять туда.

– Хорошо. Версии?

– Только одна. Это снова массовые похитители. Понимаете, мой капитан, теперь они уводят дирижабли полные людей. Имперская Канцелярия очень... – Костя скривил рот, выделяя слово «очень», – очень просит отчитаться в ходе расследования. Им нужны положительные результаты.

– Будут им результаты. Вовремя я взял дело под свой контроль. Есть что от лаборатории криминалистики?

– Собрали образцы ДНК, сейчас анализируют. Обещают результат к обеду.

– Как получишь ихний отчёт, сразу ко мне, слышишь?

Костя вежливо показал за окно:

– Приехали. Идите сразу на аэродром. Охрана пэвэкашников предупреждена.

Иван Лавинь опустил боковое стекло и посмотрел на кирпичные башни и донжоны Форт-Блю, штаб-квартиры «Эскадрона Клода». Несколько эликоптеров зависли над аэродромом, ожидая посадки. У тех, что были на земле, открыты грузовые отсеки, куда заезжали грузовые пежо.

Иван Лавинь открыл дверь:

– Хорошо устроились эти Яхины. Столько земли, да ещё и в центре Москву.

ПОХОТЛИВАЯ ТВАРЬ

После каждого наркотического пудро-марафона Иван Лавинь просыпался с сильным желанием секса. В особенности, после чёрной пудры, которая стимулировала половое влечение. В запудренном мозге шеф-капитана ежесекундно вспыхивали образы девочек, что побывали в его кровати. Он засматривался на каждую встречную женщину, пялил глаза на попы жандарметок, обтянутые охристой тканью униформы.

Солнце пекло сквозь фуражку. Анестезирующее действие пудры выветривалось, и голова начинала побаливать. Тем не менее, Иван Лавинь чётким строевым шагом пересекал аэродром.

Один эликоптер пророкотал над головой, на секунду осеняя шеф-капитана прохладной тенью и ветром от винтов.

Невзирая на головную боль, Иван Лавинь хищно вглядывался в толпу работающих на взлётном поле: высокая, стройная девушка в десантной экипировке руководила погрузкой ящиков в багажный отсек эликоптера.

Шеф-капитан прищурился и подумал:

«Ничего так, фигурка вкусная. Девочка старовата, конечно...»

Тёмные волосы девушки были собраны в хвост, половину лица закрывали солнцезащитные пилотские очки.

– Здравия желаю, жандарм! – крикнула она. – Если не торопитесь, то можете попить цикорий в кантине.

– Добрый день, Жизель Яхина, я полагаю?

– Так точно... – она запнулась, вспоминая расшифровку жандармских погон, – мой капитан.

– К сожалению, у меня мало времени, мадемуазель.

Жизель схватила пробегающего грузчика за лямку комбинезона и так свирепо закричала на него, что Иван, измученный похмельем, вздрогнул.

– Ты чё, в глаза долбишься? – Жизель показала пальцем на контейнер. – Где маркировка? Что внутри? Гранаты, говоришь? Как я узнаю, что там гранаты? Я что, в боевой ситуации буду телефонировать тебе и спрашивать, гранаты в этом ящике или апельсины?

Грузчик рухнул на колени и подобрал с асфальта отклеившуюся табличку с информацией о грузе. Прилепил её обратно, но, видимо, клея оказалось недостаточно, и табличка предательски сползала вниз. Зажав табличку в руках, грузчик умчался в гараж, виновато бормоча что-то о плохом клее.

Жизель повернулась к Ивану. Он снова отметил, что часть её лица, не закрытая очками, весьма милая: острый подбородок, пухлые губки, худые скулы.

«С таким команданом я бы...» – подумал Иван Лавинь, ощущая очередную волну желания. Чёрная пудра делала своё дело.

– Раз вы торопитесь, жандарм, то давайте прямо тут беседовать. Пардоньте, но в четыре мы выдвигаемся.

Иван оценил взглядом масштаб погрузочных работ и сказал уважительно:

– Судя по всему, серьёзная миссия.

– Всерьёз и надолго. Вам повезло, что застали меня. На полгода ухожу.

Жизель пригласила Ивана пройти в тень под крылом эликоптера. Сели на ящики.

– Что за миссия, если не секрет? – спросил Иван, стараясь не смотреть в расстёгнутый ворот рубашки Жизель. Там виднелись края чёрного кружевного лифчика, совсем не по-военному кокетливого.

– Этот вопрос имеет отношение к делу, ради которого вы пришли?

– Позвольте мне решать.

– Да, силь ву пле, решайте. Не секрет. Помните, одно из главных условий капитуляции Австралии?

– Они открыли своё дипломатическое представительство и перестали прятаться от всех?

– Не только. После нашей победы, австралийцы перестали сбивать спутники материковых государств. Родимая наша Империя обогнала Ханаат в создании первой полноценной спутниковой группировки. Мы первыми закончили картографию поверхности земного шара.

Как и любой жандарм, Иван Лавинь считал себя военным, поэтому был в курсе событий не только войны с Австралией, но и послевоенного устройства мира:

– Значит, отправляетесь на Новые Земли?

– Они самые, – кивнула Жизель. – Мы не только первыми обнаружили их в Южном полушарии, но, самое главное, смогли проложить к ним воздушный маршрут через Неудобь. Путь неблизкий. К Новым Землям выдвинулась «Императрица Екатерина»...

– О, я читал характеристики воздушного корабля. Мощь нашего флота!

– «Катка» – гигант, но скорость так себе. Полгода дирижабль идёт к Новым Землям. По расчётам, прибудет в ближайшие недели.

– Понятно. «Эскадрон Клода» обеспечивает военное прикрытие для колонизаторов?

– Пардоньте, но не «Эскадрон Клода», а «Эскадрон Жизель». Мы сменили название для этой операции. Но для всех остальных, мы, конечно, «Эскадрон Клода».

– Учту. Кстати, я слышал, что на Новых Землях живут люди?

– Да, дикари какие-то. – Жизель показала на ящики, ожидающие погрузки. – У наших колонизаторов задача: построить медицинские центры и какие-то лаборатории. Для собственных граждан Император делает меньше, чем собирается сделать для дикарей.

Иван Лавинь попробовал пошутить:

– Ха-ха, будто у нас в Империи дикарей не хватает.

Жизель улыбнулась:

– Весьма фрондёрское высказывание, для шеф-капитана Жандармерии, а? Пардоньте-ка...

Жизель соскочила с ящика и убежала кричать на грузчиков, отчитывая за очередную оплошность.

Иван снял фуражку и вытер платком пот с лысины.

Было так жарко, что снял китель и бросил его на ящики, оставшись в белой рубашке с коротким рукавом.

Вместе с кителем захотелось сбросить накопившиеся дела: массовые похищения людей, взорванные дирижабли, гневные звонки из Имперской Канцелярии, интриги мужеложца Де Жолля, мечтающего занять место шеф-капитана Жандармерии.

Захотелось вернуться домой, где ждала бы девочка-инфетка. Чтобы она была уже в кровати, в белых коготочках и коротком пеньюаре. Или...

«Или махнуть на Новые Земли, – размышлял Иван. – А что? Ведь после колонизации нужно будет поделить территорию на провинции и кантоны, организовать перепись дикарей, провести массовую установку гражданских чипов. Дикари чипы носить не захотят, начнутся бунты и волнения. Их не сдержать силами Приватных Военных Компаний. Это работа для профессионалов, для ведомств по охране общественного порядка. Надо бы прощупать почву в Имперской Канцелярии, насчёт организации жандармского управления в колониях...»

Иван Лавинь приуныл.

Вспомнил, что в Имперской Канцелярии были весьма им недовольны из-за того, что пропустил пресс-конференцию о пропавшем дирижабле.

Проморгал. Проспал. Пронюхал.

«Накрыло чёрной волной», как говаривали пудрилы со стажем.

ЖАЛКАЯ ТВАРЬ

Жизель вернулась под тень крыла:

– Хватит светских бесед, капитан? Переходите к вопросу.

Иван Лавинь совладал с наступившей слабостью:

– Давай на «ты»? Мы же оба военные.

– Жандармерия не военная организация.

– Ну, не будем спорить. Скажем так: мы оба носим униформу.

– Пардон, но вы слишком взрослый, чтобы я вам «тыкала». Ну и... официанты тоже носят униформу.

Ишь ты, какая острая на язык. Острый розовый язычок... Шеф-капитан достал наладонник. Открыл подготовленные Костей материалы по делу о массовых похищениях:

– Для начала хочу уточнить вопрос личного характера. Вы, как бы, не совсем человек?

– Пардон?

– Вы не обижайтесь, слышите, я хочу сразу прояснить.

– Вы, Иван, тоже не обижайтесь. Это жандармы, не совсем военные. Я – человек. Смотрите, у меня – руки, ноги. Сиськи.

Иван Лавинь усмехнулся и теперь откровенно, не таясь, посмотрел в ворот её рубашки:

– Ладно, зайду с другой стороны. Как известно, вы клон.

– Не клон, а синтезан.

– Есть разница?

– Клон – это копия. А синтезан приобретает лишь некоторые характеристики оригинала, а со временем становится полноценной личностью.

– Клон, синтезан, по мне – без разницы.

– Я – синтезан человека, заметьте, а значит и есть человек.

– Ясно, принято. Моя вина, если как-то обидел. Тогда скажите, что вы знаете о технологии синтеза живых существ?

Жизель проследила взглядом за грузчиком, наклеивающим на контейнер табличку:

– Всё, кроме научных подробностей. Если нужно знать, как оно работает, то лучше идите к учёным корпорации.

– Вы слышали про массовые похищения граждан Империи?

– Неожиданный вопрос. Кто не слышал? У нас выросли заказы на личных телохранителей. Даже вынуждены поднять цены и отказывать многим клиентам.

Иван Лавинь сделал вид, что ищет в документах нужную строчку:

– В лаборатории криминалистики смогли выяснить, что обнаруженные на месте преступления фрагменты ДНК принадлежат, предположительно, синтезанам.

– Странно. Я ознакомилась с материалами расследования, когда собирала группу бойцов-телохранителей. Ничего про ДНК синтезанов там не было.

– Это свежие данные, – торопливо вставил Иван Лавинь. – Не знаете ли вы, в чём отличие от человеческой... то есть, пардон, обычной ДНК? У вас, синтезанов, что ли одна ДНК на всех?

Жизель задумалась:

– ДНК у нас такая же, как у оригиналов. Насколько мне известно, по расположению молекул в одной из цепочек можно отличить синтезана от...

– От человека? – иронично усмехнулся Иван Лавинь.

Жизель нахмурила лоб, подыскивая слово. Вдруг её взгляд застыл. Она медленно повернула голову в сторону Ивана:

– У меня есть догадка, как связаны синтезаны и пропажи людей!

– Ну-ка, ну-ка...

– Технология синтеза такова, что для создания копии нужны расходные материалы. Лучшим сырьём для создания человека является другой человек. АКОС как бы раскладывает тело на базовые элементы и собирает из них новое, по другим параметрам.

Иван Лавинь подхватил её утверждение:

– Чтобы делать новых людей, нужно уничтожать старых?

– Не старых, а, так сказать, предыдущих. Причём взрослые и пожилые люди на роль сырья не годятся.

Дело, казавшееся Ивану неразрешимым, приобрело смутные очертания:

– Все пропавшие были в возрасте от подросткового до двадцати пяти лет.

Жизель поднялась с ящиков:

– Рада, что помогла, капитан, но мне пора проводить предполётный брифинг.

Иван Лавинь поднялся и пошёл вслед за ней:

– Последний вопрос. Что стало с устройством синтеза, так называемым АКОСом, который вы нашли в древней лаборатории два года назад?

– Уничтожили.

– Значит, вы единственный синтезан в стране, созданный по этой технологии?

– Капитан, я связана подпиской о неразглашении. Хотите всё знать, оформляйте официальный документ и допрашивайте.

Жизель шагала быстро, но шеф-капитан, не смотря на одышку, не отставал:

– Вы же на полгода уходите.

– Надо было раньше суетиться.

Шеф-капитан резко ухватил девушку за предплечье, ткань рубашки затрещала. Жизель мгновенно отреагировала, пытаясь сбросить его руку, но недаром Иван Лавинь славился своей цепкой хваткой.

– Эй, капитан, полегче. Могу и ударить, – занесла кулак Жизель.

– Давай. Я задержу тебя за нападение при исполнении и допрошу по всем вопросам. Жизель свирепо смотрела в глаза жандарма. Тот отвечал тем ничего не значащим взором, какой приобретали опытные жандармы:

– Слышишь, я не прошу разглашать тайну. Просто для меня важно распутать это дело. – Иван Лавинь убрал руку. – Моя... моя племянница была среди пропавших.

Он стоял перед Жизель, мясистый, потный, лысый. Массивные волосатые руки висели, как две коряги. При этом его поза изображала такую покорность, что на лице Жизель отразилось что-то вроде сострадания.

Шеф-капитан Жандармерии снял фуражку, но вместо того, чтобы стереть пот с лысины, негромко признался:

– Ей было пятнадцать. Жила в провинции, В Москву сбежала, чтобы попасть на концерт каких-то подростковых музыкантов, которые никогда не гастролировали по провинции. Оставила записку, мол, раз вы меня не отпускаете, то сама поеду. Брат мне тут же сообщил. А я... Я не сразу отреагировал. Лишь через несколько дней после концерта пошёл по адресу подруги, у которой Оленька поселилась. Та... та плачет... Оленьки нет. Наладонник не отвечает.

– Как же вы выяснили, что её похитили именно синтезаны? Мало ли какие педофилы-насилыники существуют? Да и пудра в Москву на каждом шагу продаётся, в провинции строже с этим делом. Загуляла девочка, да пропала... Или передознулась в кабаре.

– Массовые похищения отличались тем, что рано или поздно находились гражданские чипы похищенных. Оленькин и ещё сотня гражданских чипов были найдены на дне Ривер де Москву.

– Почему похитители их не уничтожили, зачем так подставляться?

– Значит, чипы выковыривали в спешке. И старались поскорее избавиться. Ведь чтобы физически уничтожить чип, нужно специальное оборудование. Чип и в плавильном котле способен выжить.

– Да, но зачем спешить? Всё равно жандармские радары способны обнаруживать чип на расстоянии всего лишь в сотню метров. Вывези похищенных за город – и ни на каких радарх их не засечёшь, не так ли?

Иван Лавинь замялся:

– Не совсем. Недавно мы ввели в строй систему слежения двухкилометрового диапазона.

– Мерде, капитан! И люди до сих пор не знают, что Жандармерия теперь отслеживает каждый их шаг?

– Парламент пока что согласен с Имперской Канцелярией, что система «Туше» работает в проверочном режиме, а значит, не попадает под регулирующие законы о частной жизни.

Жизель тряхнула головой:

– Вот поэтому людям всё меньше нравится правление Императора. Поэтому появилась Фронда и прочие повстанцы. Аккуратнее надо править. Странно, что при тотальном контроле вы до сих пор не поймали преступников.

– Потому что у них, скорее всего, отсутствуют чипы. Слышь, да и не такой уж он тотальный, контроль этот. Система «Туше» часто сбоит или неправильное местоположение указывает.

Жизель показал жестом, чтобы Иван шёл за ней. Она больше не спешила:

– Извлечение гражданского чипа – это смерть для человека.

– Поэтому мы стараемся, чтобы такие детали не просочились ни в прессу, ни в отчёты для ПВК.

– Тысячи людей надеются, что пропавшие родственники будут найдены.

– Им повезло, надежда утешает. Я-то точно знаю, что Оленьки уже нет.

Жизель и Иван пересекли аэродром и остановились под козырьком ворот Форт-Блю.

Впервые за всю длинную беседу, Жизель сняла очки. Иван Лавинь с интересом вгляделся в преобразившееся лицо девушки. Без очков команданша казалась менее строгой и более отзывчивой.

Из нагрудного кармашка извлекла замшевую тряпочку и протёрла стёкла. Вернула очки на лицо, будто застегнула замок бронежилета:

– А скажи-ка мне, капитан. Раз на месте преступления найдена ДНК синтезана, а я единственный синтезан в Моску, созданный по добедовым технологиям, то почему вы не задержали меня? Ведь я – главный подозреваемый.

Иван Лавинь скороговоркой пробормотал:

– Эти улики не попали в основные материалы следствия.

– Капитан, если хотите получить информацию от меня, то делитесь своей. Что значит не попали? Как такое возможно?

– Их попросили удалить. – Отведя глаза, Иван Лавинь поспешно добавил: – Не меня попросили, конечно, а кого-то другого. Я расследую...

– Вы всё врётё. – Жизель словно выросла и нависла над шеф-капитаном: – Вы, жалкая тварь, сами убрали улики. А теперь плачете и мучаетесь, осознавая, что косвенно причастны к смерти не только племянницы, но других людей.

– Я был вынужден...

– От вас, жалкая тварь, пудрой за километр несёт. Но запомните, вы не сможете занюхать чувство вины.

– Приказ об изъятии улик исходил из Имперской Канцелярии.

– Вот вам и ответ на вопрос, где искать виновников похищений.

Иван Лавинь неожиданно стукнул кулаком в свою раскрытую ладонь:

– Хватит обвинять! Будто я сам не знаю! Предчувствую, что если возьмусь всерьёз за расследование, то...

– То придёт очередной приказ из Имперской Канцелярии? Ладно, капитан, я расскажу кое-что. Сразу поймёте, в каком направлении вести расследование.

ПОДЗАБОРНАЯ ТВАРЬ

Иван продрался сквозь толпу просителей в своей приёмной. Закрыв дверь кабинета на замок и рухнул на маленький диванчик у окна. Казалось, что солнце продолжает жечь макушку. Шеф-капитан полежал немного, встал и вытащил из холодильника бутылку апельсины.

Зазвенел интерфон:

– Мой капитан, пришли данные лаборатории криминалистики.

– Неси быстро сюда.

– Они доступны в директории...

– Неси их на табло, слышишь? Нет у меня времени лазать по директориям. Заодно обсудим, что я узнал от синтезанихи этой.

– Есть, мой капитан.

В дверь постучали. Покряхтывая, шеф-капитан поднялся с диванчика и открыл. Вместе с гулом голосов появился аджюдан с ординатёр-табло в руках.

– Ну, слышишь, что сказали криминалисты? – Иван захлопнул дверь, не обращая внимания на мольбы посетителей принять и выслушать.

– Как и в прошлый раз, обнаруженные на месте преступления следы ДНК принадлежат синтезированным организмам, предположительно человеческим...

– Слышишь, эти криминалисты нормальным языком не умеют писать, да? Ладно, садись, слушай.

Костя присел на краешек дивана. Иван Лавинь принялся ходить взад-вперёд по кабинету, тряся животом и расстёгнутыми полами рубашки:

– Года два назад, в разгар войны с Австралией, в одном районе Неудоби, в водах Океан-моря была найдена затонувшая платформа добедовых людей.

– Да, было по новостям.

– Война с Австралией и началась из-за этой платформы. Платформа предназначалась для запуска космического аппарата.

– Да. Находка стала основой нашей космической программы. Ханаат до сих пор в бешенстве. Требуют делиться подробностями программы.

– Что там с программой, неизвестно. Суть её была в том, что добедовые люди, чтобы сохранить людской род, решили послать на дальние планеты собственных клонов. Даже не самих клонов, а клонаторы, которые должны были начать работать на новых планетах, заселяя их копиями землян.

– А почему сами не полетели?

– Потому что чертовски далеко. Десяток тысяч лет лететь только до самой близкой планеты пригодной для жизни.

– Странно. Про синтезанов я по новостям не слышал.

– Правильно. Мало кто слышал. Упоминание об АКОСах засекречено Имперской Канцелярией. Вся технология синтеза – у них.

Константин Бернс начал собирать данные в одно рассуждение, зная, что шеф-капитан любил выслушивать свои догадки из уст постороннего. Так он привык отслеживать несостыковки:

– Итак, Имперская Канцелярия делает синтезанов, которые похищают граждан Империи в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет. Причём производит похищения в невообразимых количествах...

– Сколько уже?

– Включая пассажиров дирижабля, пять тысяч двадцать два.

– Если так будет продолжаться, слышишь, в стране не останется людей, не задетых пропажами. У нас обстановка и так на волоске от бунта, а тут ещё такое...

– Мой капитан, а есть идеи, зачем они это делают?

– Есть, но пока я их попрдержу.

Константин Бернс испытующе посмотрел на шеф-капитана и осторожно заметил:

– Если за этим стоит Имперская Канцелярия, то, быть может, так надо? Государственные интересы...

Иван Лавинь перестал ходить и остановился напротив аджюдана. Тоже испытующе на него посмотрел:

– Костян, ты и я связаны сам знаешь чем. Если правда о наших делишках всплывёт, вовек не отмоемся. Будем сидеть в одной тюрьме.

– Не мы одни, мой капитан, – спокойно ответил Константин. – Вся Жандармерия с нами присядет.

– Не мы одни... Согласен. Но я вот что тебе скажу, слышишь? Я иду до конца. Кто бы ни стоял во главе преступления, я его найду.

– И накажешь? – ухмыльнулся Константин.

– По всей строгости закона!

Константин Бернс ещё более спокойно отозвался:

– Ваня, подумай, а надо ли?

– Надо. Иначе... Иначе... Кто мы тогда вообще? Твари мы подзаборные, вот мы кто.

– Жизнь такая, – вздохнул Костя. – Система ломает нас под себя.

Иван Лавинь не уделил внимания мудрым высказываниям аджюдана:

– Разве мы не патриоты? Разве мы не готовы отдать жизнь за страну? На протяжении всей истории Империи Рूसси её граждане проявляли храбрость и преданность. На храбрости и преданности и стоит земля наша. Если надо, то выходи и говори открыто, что Империя требует жертв от её сынов и дочерей. Зачем тайком убивать нас? Империя – это сила? Или это подлость?

Константин Бернс покачал головой:

– Почти как фрондер говоришь. Как бы тебя не упекли за решётку раньше, чем успеешь сделать шаг в расследовании... Мой капитан.

Иван Лавинь словно очнулся:

– Ладно, Костян. Я лишнего наболтал. Но одно верно, слышишь? Я тварью подзаборной больше быть не хочу. Чёрт вас всех дери, я – шеф-капитан Жандармерии, а не пудрила занюханный.

Константин Бернс вышел.

Шеф-капитан заправил рубашку, подтянул галстук, посмотрел на часы и решил, что лучше уйти домой пораньше, чтобы выспаться после пудро-марафона. А завтра с новыми силами...

Иван застегнул пуговицы кителя и прислушался к жужжанию голосов в приёмной. Впервые пожалел, что пять лет назад, когда вселился в этот кабинет, приказал заделать потайную лестницу на нижний этаж. Она позволяла прежнему шеф-капитану высказывать незамеченным.

– Из этого кабинета будет только один выход, – пафосно заявил Иван пресс-службе Жандармерии, – навстречу людям!

Предыдущий шеф-капитан славился своей ленью. Иван Лавинь – был полон желания сделать Жандармерию образцовым заведением.

Иван не стал таким коррупционером, каким был прежний шеф-капитан. Он его превзошёл. При этом всё равно умудрился сохранить видимость того, что Жандармерия отныне не закрытое учреждение, а прозрачная инновационная организация, которая по-настоящему заботилась о гражданах. По крайней мере, выслушивала их просьбы.

Иван Лавинь запер ящик стола, чтобы уборщица лишний раз не болтала подругам, что сам шеф-капитан Жандармерии нюхает нелегальную чёрную пудру.

– Мой капитан... – через интерфон в тихий кабинет влился шум приёмной. – К вам посетитель...

– Никого не принимаю, слышишь?

– Он настаивает.

– Пусть настаивает в другой день.

Дверь распахнулась, на пороге появился невысокий худощавый мужчина. Одетый во всё тёмное, в чёрном свитере с высоким горлом, что выглядело неестественно, учитывая жару. Тоже почти лысый, как Иван, но с заборчиком седой поросли по бокам черепа.

– У него корочка Имперской Канцелярии, – успел выкрикнуть Константин.

При виде гостя Иван Лавинь отступил на несколько шагов к столу и опёрся рукой:

– Мерси, Костя, разберусь.

Не спуская взгляда с посетителя, Иван нащупал кнопку и полностью отключил интерфон. Посетитель зловеще улыбнулся. Закрыл дверь на замок и неспешно пошёл к шеф-капитану:

– Узнал, салага?

– Недавно вспоминали тебя, Жан-Люк. Как всегда самыми плохими словами.

Иван Лавинь совладал с собой.

Пригласил посетителя сесть в кресло напротив стола. Жан-Люк пригладил остатки волос, как бы показывая, что у него хотя бы такие волосы, но есть. Опустился в кресло и жестом пригласил шеф-капитана сесть в своё кресло, словно он являлся хозяином кабинета.

Чтобы не повиноваться его жесту, Иван отошёл к холодильнику и взял бутылку апельсины, хотя пить не хотелось.

– И давно ты игнорируешь звонки из Имперской Канцелярии? – Осведомился Жан-Люк.

– И давно ты в Канцелярии? Вроде бы тебя позорно выгнали из Эскадрона Клода.

– Пэвэкашки и солдафоны давно не мой масштаб.

Жан-Люк сказал это с пренебрежением, но Иван Лавинь допросил много людей в этом кресле. Сиживали в нём и невозмутимые агенты Имперской Канцелярии. Иван сразу отметил, что Жан-Люку не понравилась осведомлённость шеф-капитана.

Чтобы дожать Жан-Люка, добавил:

– Канцелярия могла бы послать курьера помоложе, чтобы спросить о дирижабле.

Жан-Люк держал руки на столе, сцепив пальцы. Он сжал их с такой силой, что кожа побелела:

– К дьяволу дирижабль и пейзаж. Я по другому вопросу.

Жан-Люк убрал руки со стола, но прежде, чем тот успел продолжить, Иван Лавинь резко сказал:

– Нет. Слышишь? Я не буду удалять из дела данные анализа ДНК.

Жан-Люк достал из кармана пиджака коробочку, вынул из неё сигару и чиркнул зажигалкой.

– У меня не курят.

Жан-Люк выпустил дым в сторону шеф-капитана:

– Зато нюхают, да? И пудрочка вся привозная, из далёких запретных территорий?

Иван Лавинь проигнорировал сарказм:

– Мы знаем, что людей похитили синтезаны, произведённые по технологии, найденной в Неудоби. Скоро об этом будут знать все следователи и все пресс-службы. Потом мы найдём, кто за этим стоит.

– И что?

– Их будут судить. Император узнает, какие делишки творит его Канцелярия.

Жан-Люк продолжал спокойно курить, поглядывая сквозь дым на шеф-капитана с такой уверенностью, что тот понял, она не показная.

– Ты дурак. История повторяется, как двадцать лет назад.

– Посмотрим.

Жан-Люк поднялся:

– Значит, не согласен?

– Нет.

– Теперь ты, значит, играешь в честного служащего?

– Кто-то должен.

– Ты, значит, больше не будешь отгружать конфискованную пудру обратно владельцам? Не будешь отпускать подозреваемых в обмен на прибавку к банковскому счёту? Не будешь получать свежие подарки от благодарных клиентов? У нас не только документики есть, у нас есть синемы и картинки твоих походов.

– Проваливай, пока я не приказал тебя вынести на пинках.

Жан-Люк бросил почти целую сигару в мусорную корзину. Бумага немедленно задымилась:

– Боюсь, скоро ещё один шеф-капитан сгорит на работе...

Вместо ответа Иван Лавинь включил интерфон:

– Аджудан Константин Бернст?

– Так точно! Здесь, мой капитан!

– Кто там из охраны, вызови...

Жан-Люк напоследок попытался устрашающе засмеяться, но торопливо покинул кабинет, оставив дверь открытой.

Странно, но гула посетителей не было слышно. Умница Костя догадался их выгнать.

– Мой капитан?

– Всё, отбой.

Иван Лавинь шеф-капитан Жандармерии, дрожащими пальцами нащупал ручку ящика стола с пудрой и дёрнул, совсем позабыв, что сам запер его на ключ.

МАЛЕНЬКАЯ ТВАРЬ

Иван Лавинь был женат только от того, что шеф-капитан Жандармерии должен быть женат. Император поощрял преданность военных внеочередной лицензией на рождение ребёнка.

Жена была уродливой дочерью нищего провинциального графа. Иван никогда не стремился к родству с дворянами, ибо по работе знал, что дворяне так же лгали, воровали и насильничали, как и простолюдины. Аристократы отличались от них только тем, что вели запись своих преступлений, называя её «фамильной историей». Ну, и никогда не признавались в своих преступлениях, дотягивая до того момента, когда их освобождали по протекции.

Фрондёры провозгласили остроумный лозунг: «История любой дворянской семьи – это судебный приговор, который не будет приведён в исполнение, пока существуют самодержавие».

Между Иваном и графиней был честный брак по расчёту – единственное проявление честности в их взаимоотношениях. Графиня предложила свои связи и дворянские привилегии в обмен на то, что Иван дал графине возможность тратить деньги на наряды и благотворительность: эти вещи никогда не выходили из аристократической моды.

В пригороде Москву чета Лавиней отстроила себе коттедж. Ради этого Ивану пришлось брать втрое больше взяток, чем обычно. С тех пор графиня жила там. Устраивала балы и приёмы, изредка посещая столицу. Иван наоборот проводил время в городской квартире, изредка посещая пригород. Супруги с удовольствием не мешали друг другу жить так, как хочется.

О том, чтобы завести ребёнка оба и не заикались.

Узнав, что графиня обзавелась салоном, в который ходили молодые и бедные поэты, писатели и художники, с которыми, по слухам, графиня предавалась любовным утехам, Иван посмеялся:

«Мы идеально подходим друг другу, нас одинаково тянет на молоденьких».

Иван Лавинь Вышел из лифта в коридоре жилого комплекса, где находились его апартаменты. Шагая по мягким коврам, заметил перемену в самочувствии – чем дальше от Жандармерии, тем лучше.

Кроме того, унюхал в коридоре остаточный аромат духов с феромонами, которыми часто пользовались путаны из корпоративных борделей. Снова вспомнились утренние мечты о девочках в белых колготках.

Индикатор на дверях его апартаментов светился сообщением, что на территории апартаментов, в прихожей, один незнакомый посетитель.

Гостевой пароль его квартиры знали многие. Именно здесь Иван Лавинь проводил встречи с людьми, нуждающимися в его услугах. Сюда носили мешочки с конфискованной чёрной пудрой. Или доставляли ящики с бронебойными снайперскими винтовками с переписанными серийными номерами.

«Винтовка Гибридно-Инверсионной Конструкции» (ВГИК) была разработана специально для устранения австралийских бронированных авионосов, которые не брали даже ракеты.

Убойная сила ВГИКа была такова, что пуля, пробивала навывлет не только австралийскую броню, но и многочисленные стены здания, неизбежно настигая жертву. От винтовки, оснащённой инфракрасным и ультразвуковым локаторами, практически не было спасения.

После войны большую часть винтовок утилизировали, остальные хранились на армейских складах. Правда, их произвели так много, что никто толком не знал, сколько стволов утилизировано, а сколько осталось неучтёнными.

ВГИКи стали популярным оружием у бандитов и у ПВК, которые нуждались в таком оружии для устранения неугодных политиков и дельцов. В ответ на это Парламент принял закон о запрете продажи винтовок этой модели в частные руки.

Схема доставки опасных винтовок в Империю была такой: оружие похищалось с армейских складов коррумпированными интендантами и переправлялось в Санитарный Домен. Глава всех выживанцев, некто по имени Двенадцать, устраивал фиктивный налёт на пункт экоконтроля на границе. Заранее подкупленные пограничники делали вид, что отбили свирепую атаку.

«Воюющие» стороны стреляли друг в друга, пока боестолкновение фиксировалось на камеры слежения для отчёта. Потом выживанцы «в панике» отступали, бросая оружие, среди которого, были те самые бронебойные винтовки.

Конфискат доставлялся в Жандармерию, где Иван Лавинь проводил ревизию, после которой количество конфискованных ВГИКов уменьшалось до нуля.

Вместе с остальным оружием винтовки увозили на утилизацию. По дороге бронепежо делали крюк мимо апартаментов Ивана. Его самого, конечно, на месте не было. В прихожей, воспользовавшись гостевым паролем, обычно ждали клиенты. Проверив, что всё оружие на месте, перегружали его и увозили.

Банковские счета всех участников схемы увеличивались на порядок. У шеф-капитана Жандармерии – на два. А где-то, под прикрытием бронированных стен, под охранной целой армии ПВК, вдруг умирал заказанный кем-то человек.

Конечно, Иван Лавинь иногда задумывался, что однажды из такой винтовки могут прихлопнуть и его, и даже Императора... Поэтому с оружием старался иметь дел как можно меньше, налегая на чёрную пудру. Как на её продажу, так и на её потребление.

Итак, аромат духов с феромонами намекал на то, что его ждали.

В прихожей, на низком диванчике, сложив тонкие руки на худых коленях, сидела девушка в короткой юбке и чёрных сетчатых колготках. Прикрыв глаза с густыми чёрными ресницами, она откинулась на спинку дивана. Или спала, или притворялась. Короткая блузка открывала ровный животик, а сквозь ткань виднелись соски.

Прихожая бы до одури заполнена испарениями духов с феромонами.

Стараясь дышать ртом, Иван Лавинь остановился напротив гостьи. Невежливо ткнул носком ботинка по её туфлям на высоком каблук:

– Кто тебя прислал?

Девушка так долго имитировала пробуждение, что ясно – притворялась. Густые ресницы затрепетали. Взгляд больших голубых глаз поднялся на Ивана.

С плохо разыгранной невинностью девушка подумала немного и ответила:

– Я сама пришла. По велению сердца.

Ему понравился цвет её глаз. Значит, белокурые волосы не подделка. Хотя голубые глаза тоже не проблема подделать.

Иван Лавинь перебрал в памяти свои недавние дела. Обещал ли ему кто шлюху-инфетку в подарок? Но вроде бы долгов ни за кем не было.

– Сколько тебе лет?
– Пятнадцать.
– Слышишь, кому ты врёшь? Тебе минимум тридцатник. Ты думаешь, я не отличу инфетку от реальной малолетки?
– Как тебе угодно, папочка.
– Как зовут?
– Как тебе хочется?
– Ни ума, ни фантазии... – сплюнул Иван Лавинь. – Тридцать лет, а мозгов нет. Это инфанная терапия так действует? Как мне звать-то тебя?

Шлюха попробовала надуть губки и похлопать глазками с накладными ресницами:

– Ну, Эллен.

Иван Лавинь приложил палец к замку. Дверь открылась, и он прошёл в квартиру:

– Чё встала, Нуэллен? Проходи.

Девушка проскользнула внутрь. Из-за высоких каблуков фигура казалась ещё тоньше.

«Тридцать, так тридцать, бог знает, какие таблетки она принимала, чтобы так выглядеть» – подумал Иван Лавинь и показал на дверь ванной:

– Не надо мне этих вониючих духов, слышишь? Смой гадость. Если хочешь меня обслуживать, то запомни: я ненавижу ваши мерзкие духи. На них пейзажи только ведутся, а у меня – аллергия.

– Как скажете, мосье, – сказала инфанка и пошла в ванную, на ходу стягивая блузку.

Пока инфанка стояла под душем, явно наслаждаясь бесплатной горячей и чистой водой, Иван Лавинь опустился на колени и достал их секретного сейфа под кроватью второй коммуникатор. На нём он вёл контроль и учёт своих коррупционных дел. Включил и убедился, что новых сообщений нет.

– Ладно, Жан-Люк, – пробормотал он. – Специально намекаешь так грубо? ну, так и я могу намекнуть...

Спрятал коммуникатор обратно в сейф. Подошёл к двери и постучал:

– Хватит тратить мою воду. Пора работать.

НАСТОЯЩАЯ ТВАРЬ ИЛИ СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ ИВАНА ЛАВИНЬ, РАССКАЗАННЫЙ ИМ САМИМ

Давно это было, слышишь?

После Академии Жандармерии я получил назначение на работу участковым следователем, в Острогогвардейский округ Моску. Был такой, был. Не перебивай меня, пута, а то больно сделаю.

Сейчас там всё снесли и застроили многоэтажными домами, а тогда это была окраиной города. Через Острогогвардейский округ, местные его называли коротко – Острог, проходила часть Имперской трассы на Славославль и дальше к берегу Океан-моря, связывая Империю с городом-государством Мизур.

И сейчас, и тогда Мизур, слышишь, был территорией курорта. Сотня квадратных километров пляжей, казино, публичных домов, кабаре и фехтовальных стадионов, на которых мизурские власти разрешали биться насмерть.

Владельцы города не жалели денег на поддержку инфраструктуры. У них до сих пор самые мощные в мире водоочистные сооружения. Ну, не считая австралийских, те, понятно, далеко нас всех обогнали. Мизурцы фильтровали воду Океан-моря так, что, вот те крест, её пить можно. А купаться – одно удовольствие.

Ну и, само собой, все имперцы гоняли по трассе к Мизуру через Острогогвардейский округ.

Мизур пускал к себе только богатеньких. На границе нужно предъявлять выписку из банковского счёта, что у тебя не менее пяти тысяч эльфранков.

Ну, и да, таких шлюшек, как ты, пускали по специальной рабочей визе. Слышишь, нигде не видел, чтобы столько красивых девочек в одном городе было собрано! До сих пор люблю туда ездить, хотя в наши дни город-государство облюбовали мужеложцы. Тьфу, не понимаю, зачем охота одному мужику жарить под хвост другого? Хорошо, что в Империи эта мерзость под запретом.

Но тогда мне было двадцать один год, младше, чем ты сейчас. Работал я, значит, в пригородной помойке Острога участковым следователем. Преступления там были неинтересные. То лавку грабили, да ящик алкоситро выносили. То ветераны, по пьяни или обнюхавшись, начинали фехтовать на саблях. Соседи меня, участкового, вызывали их разнимать. То насильничают путу-алкоголичку, которая сама потом не могла опознать насильников.

Я мечтал о большом расследовании, которое позволило бы мне вырваться из этой дыры и начать настоящую карьеру. Я, слышь, ещё верил тогда в честную Жандармерию. Грезил, что буду ловить бандитов и делать наш город спокойным местом.

Тебе смешно, шлюха, а я таким и был. Идейным.

Кстати, пута, почему на тебе чёрные колготки? Тебя не предупредили, что я люблю белые? Плохо работаете с клиентом, Нуэллен...

Вот, слушай, про клиентов. Я тогда считал, что Жандармерия должна работать как сервисное учреждение. Как магазин с вежливым персоналом. Нашими клиентами должны стать потерпевшие граждане, а товаром – помощь и спасение.

Я и сейчас, слышишь, так думаю. Именно при мне люди стали немного уважать Жандармерию, а раньше просто боялись.

Что ты там бормочешь, шлюха? Коррупция? Ты, пута, это слово без ошибок научись произносить!

Ладно, слушай дальше.

На трассе сбили насмерть местного жителя. Чёрт его знает, зачем он перелез через ограждения и попёр напролом, а не через подземный переход. Говорю же, район населяли бедняки, да ветераны. Что одно и то же.

Ну, ясно, что виновник скрылся с места преступления.

Я сразу понял – мой случай! Во что бы то ни стало, найду преступника.

И сразу же возникли трудности. Станным образом, все данные с камер наблюдения пропали. Дорожная служба заверила, что именно в этот день и час именно эти камеры меняли на новые и запись не велась.

Ладно, допустим...

Я устно опросил свидетелей. Все видели красный пежо-рапид с открытым верхом. Одни говорили, что за рулём сидел парень с бородой и длинными волосами, другие утверждали, что за рулём была баба.

Узнал и важную деталь: водитель пежо-рапиды пытался затормозить. Сбил пешехода и врезался в бетонное ограждение. С минуту сидел, мотая головой. Посмотрел на труп, отлетевший на десяток метров. Завёл мотор и на ещё большей скорости скрылся в сторону, противоположную той, куда ехал. Значит, кто-то нёсся в Мизур, но после аварии повернул обратно.

Отлично, есть зацепка.

Слышишь, я опросил больницы Моску, не поступал ли в такое-то время кто-либо с травмами, характерными для аварии, когда водитель о руль ударяется? Да, ответили мне врачи, обращались. Перелом челюсти. Отлично. Имя?

И тут очередное невероятное совпадение: недавно, за час до моего звонка, случились неполадки в медицинской ординатёрной системе. Архив восстановили, но безвозвратно утеряны данные с адресами пациентов за последние три дня.

Совпадение? Не думаю... Явно кто-то подчищал следы.

Я ещё больше возбудился, слышишь, шлюха? Прижать к ногтю высокопоставленного преступника? Это же какой резонанс! Уже грезил, как шеф-капитан Жандармерии наградил бы меня и сделал бы своим аджуданом.

Я вернулся на место аварии, осмотрелся. Неподалёку лишь одно строение – лавка подержанной электроники. Зашёл туда, корочкой светанул. Продавец, как сейчас его помню, амбал с широкими надбровными дугами, а ямочка на подбородке такая, будто у него там овцебычьи яйца выросли.

Так, мол, и так, спросил я, запомнили номера пежо-рапид, что человека сбил?

Продавец яйца подбородочные почесал и нагло ответил:

– Я уже всё рассказал, что видел. Ни номеров, ни водителя. Вы ведь, мусье, уже спрашивали?

– Появилось подозрение, что тебе мешает вспомнить не короткая память, а длинный эльфранк. Заплатили за молчание, признавайся, слышишь?

– Обижаете, начальник. Я честно тружусь, взятки не беру.

Пригрозил ему, что всё равно доберусь до правды.

Вышел на трассу. Посмотрел на след удара в бетоне, на розовые следы крови на дорожной разметке... Грустно мне стало. Ни одной зацепки.

Тут слышу в небе звук. Поднял голову – бес-пилоты кружат. Я быстро набираю диспетчерскую Жандармерии, запрашиваю, чьи аппараты в этом районе работают? Оказалось – из Института Военно-воздушной Аутомонии. Молодые пилоты тренируются над трассой захватывать быстро движущиеся цели. Факультет бес-пилотной истребительной авионавтики.

Иронично, да? Богачи, мчащиеся на юг, – это учебные цели для военных лётчиков.

Что? Что ты там бормочешь, шлюшка? Ты рот освободи, если сказать что хочешь. Ага. Говоришь, у тебя парень курсант из «лётного»? Ну-ну. Только не вздумай травить байку, что стала путой, чтобы больную маму лечить. Ты, Нуэллен, любишь трахаться и любишь деньги. Все вы такие. И старые и молодые.

И я такой. На, займи свой рот и слушай дальше.

Поспешил я, слышишь, в Институт Военно-воздушной Аутомонии. ИВА, «Ивушка», как его кличут в народе.

Требую встречи с начальником училища по лётной подготовке. Тот меня вежливо принял. Хороший начальник, уса́тый, не жирный, как я сейчас. Настоящий лётчик, ветеран одной из мясорубок в Нагорной Монтани.

– Вы записываете данные с учебных бес-пилотов? – спросил я.

– Конечно, все действия лётно-подъёмного состава фиксируются для дальнейшего обсуждения и разбора.

– Не находились ли ваши аппараты в воздухе в такое-то время над Имперской трассой Славославль-Мизур?

Начальник проверил расписание в ординатёре:

– Так точно, полёты выполняли кафедры навигации и динамики полёта.

– Мне нужны записи аварии.

Ветеран оживился:

– Да, да, видели, зафиксировали. Но разве с дорожных камер слежения не лучше видно будет?

- К сожалению, камеры в тот день не работали.
- Странно.
- Очень. Поэтому мне важно посмотреть ваши записи.
- Простите, но госбезопасность не позволит. Вам нужно получить разрешение.
- Так точно! – По военному ответил я.

Достал ординатёр-табло, составил запрос по форме и отправил на утверждение. Начальник позволил ждать ответа в его кабинете, нам чай принесли. Настоящий, не цикориевую водичку.

Я тогда, Нуэллен, молод был, робел перед военными. Не догадывался, что и они и мы, жандармы, одинаково рискуем жизнями. Слушал его рассказы о стычках с авионами Ханаата Поднебесного. Госпропаганда, шлюха моя ненаглядная, не всегда врёт. Наша авионавтика сильнее ханаатской. В большинстве конфликтов за Нагорную Монтань, слышь, воздух почти всегда наш был. Правда, на земле хишиги лупили нашу пехоту по всем фронтам.

Сидели мы, сидели в кабинете. Все темы для разговора иссякли. Начальник занялся делами какими-то. Я же радостно мечтал.

Наступил в душе какой-то момент овладения волшебными силами. Слышь, есть такие силы, что находятся во мне, в нас, в окружающем мире. С ними нужно научиться ладить. Тогда я этого не умел, позволял наивным мечтам полностью себя захватить. А сейчас таких сил не осталось. И надежды нет на то, что снова появятся, хотя... не исключаю такой возможности. Сейчас фантазии молодости сами по себе, а я сам по себе.

Думал, что почти раскрыл преступление. Беспокоился, что ответа нет. Успокаивал себя, что всякое бывает. Отлучился начальник куда-то. Сейчас придёт ответ и я всё узнаю...

Короче, Нуэллен, долго я сидел, коротко ли, но зашёл в кабинет мужчины. У него тогда волосы были. Кучерявые такие, барашком. Прошёл мимо меня, посмеялся. Я ещё не знал, что это самый дорогой адвокат в Москву.

Прямоком подошёл к начальнику училища. У того, кстати, вся бравада улетучилась. Старался не смотреть на меня. Принял какую-то бумагу от посетителя. Кивнул.

Посетитель развернулся, достал свой коммуникатор да вышел. Через пару секунд мне пришло разрешение. Я быстро начальнику сую табло с подписью.

Начальник поднялся:

- Вот вам ординатёр, сами ищите нужный файл синемы.

Я не обратил внимания на его изменившийся тон. Быстренько сел на его место и нетерпеливо стал шарить по директориям. Понял – что-то не то всё. Явно не хватало файлов с меткой времени аварии.

Самое близкое что нашёл: две секунды того, как потерпевший перелез через ограждение и полсекунды того, как красный пежо-рапид, смазанный до неузнаваемости, проехал по трассе в сторону Москвы. Вот и всё.

Я робко поднялся:

- Простите, но тут не все файлы.

Лётчик отвёл глаза:

- Какие есть. Пардон, сынок.

Молод я тогда был, голос задрожал. Ещё немного и расплакался бы:

– Но вы обещали... вы говорили, что все файлы хранятся четыре года после того, как курсант закончит обучение...

Ветерану тоже не нравилось фальшивое положение, в котором оказался. Дёрнул себя за усы и гаркнул:

- У адвоката был приказ Имперской Канцелярии, ясно?
- Но вы обещали, – глупо повторил я.

– Пардон, сынок. Забирай файлы, что есть. Других у меня нет...

Что говоришь, Нуэллен? Жалко меня? Ты себя пожалей, я сейчас такое сделаю, что долго то место чесаться будет. И второе тоже.

Я тогда понял, что есть закон, а есть понятия.

Причём законы придумали те, кто жили по понятиям, чтобы остальные, кто не в теме, были под контролем. Я тогда понял, что если не хочешь остаться на всю жизнь участковым в Остроге, с перспективой повышения до лейтенанта, то нужно перестать жить по законам и начать присматриваться к понятиям.

И Жандармерия существовала не для того, чтобы соблюдался закон, а для того, чтобы народ, живущий не по понятиям, был под наблюдением.

Этот случай был мне хорошим уроком. Усвоив его, я стал попозже шеф-капитаном.

Ну, слышь, я не сразу эту науку усвоил. Сначала сглупил. Выяснил, кто был этот адвокат. Явился к нему в контору, наскандалил. Угрожал, что донесу результаты расследования до самого императора.

Адвокат приказал коллегам выйти из кабинета. Остановился напротив меня, низенький, худой, кривые ноги колесом. Весь его вид говорил: «Я тебя убью, а мне ничего за это не будет. А если ты меня хотя бы пальцем тронешь – тебе конец».

Слышь, Нуэллен? Ты ничего девочка, не принимай к сердцу мою критику. Красивая. Я от такой красоты млею, плакать хочу. Поэтому мне легко тебе признаться – я испугался. Жан-Люк, этот юрист, смог меня запугать просто без слов. Смог сделать так, что я сам всё понял.

Такой урок не забудешь до конца жизни, пута...

– Всё понял? – спросил меня Жан-Люк.

Я молча вышел. Напоследок он мне бросил:

– Жандармерия – цепной пёс режима. Не будь дураком, и длину цепи увеличат до самого трона.

...

Иван Лавинь замолчал.

Нуэллен лежала рядом с ним. Чулочки и трусики стянуты наполовину. Иван Лавинь задумчиво водил пальцами по её спине, забирался под трусики, потом вновь вёл по спине до затылка. Изредка обхватывал её шею ладонью. Она была такая тонкая, что полностью скрывалась в его лапе.

Молчание затянулось, а Нуэллен боялась пошевелиться, чтобы проверить, не уснул ли клиент:

– Вы спите?

– М... м... что? Нет. Нет.

– Зачем вы мне всё это рассказали?

– Затем, шлюшка ты моя ненаглядная, что я все эти годы старался не быть дураком.

– Тут какая-то мораль для меня?

– Да кому ты интересна, пута? Я стал настоящей тварью. Тварью с самой длинной цепью в Империи. Вот о чём я. Так и передай своему Жан-Люку. Меня не запугать и не задобрить.

– Причём тут Жан-Люк какой-то? Я не от него.

Иван Лавинь убрал руку с её шеи:

– А от кого?

Поняв, что «свидание» закончено, Нуэллен подтянула колготки и трусики:

– Меня попросили передать вам, что скоро вас попросят об одолжении.

– Я работал с клиентом раньше?

Нуэллен плаксиво скривилась:

– Откуда я знаю, дяденька? Я простая девочка, выполняю работу.

– Ладно, не ной. Просто твой заказчик знает подход ко мне. Какого рода одолжение надо?

Нуэллен смутилась:

– Это, наверное, код какой-то... Он сказал, что надо «пару палок»... Так же дал этот номер, сказал выйти на связь, когда у вас появятся эти палки.

Нуэллен вынула из сумочки визитную карточку и положила на кровать.

– Ясно. Ну, иди. Хватит тут.

Иван Лавинь не дал инфетке одеться до конца и вытолкнул в прихожую. Закрыл за ней дверь, проследил в глазок, как она оделась и ушла. Потом снова достал из сейфа секретный коммуникатор:

– Костян? Ты спишь? Ты не помнишь, у нас среди конфиската не поступали ВГИКи? Есть клиент на два ствола.

Выслушав Костю, вздохнул:

– Ну, раз нет, будем ждать. Слышь, одна пута, передавая слова клиента, вместо «стволы» сказала «палки». Ха-ха, вот это я называю «профессиональная деформация».

ИМПЕРСКАЯ ТВАРЬ

Гвардейский тяжёлый авианесущий ракетный крейсер «Императрица Екатерина» был самым большим управляемым аэростатом воздушного флота, когда-либо построенным людьми.

Жёсткий каркас купола состоял из ста двадцати отделений для газовых баллонов. Все секции каркаса защищены тонким листом сверхпрочной брони, созданной из остатков австралийских авионов. Физики и химики Империи Рўсси так и не выяснили, из каких металлических компонентов сделан сплав, применяемый для изготовления корпусов военной техники в Австралии, поэтому для создания брони попросту использовали обшивку конфискованных авионов австралийцев, а так же обломки с поля боя.

Каждая секция воздушного судна управлялась отдельным микро-ординатёром, контролирующим подачу газа и раскрытие межсекционных шлюзов. Такой подход позволял объединить десятки газовых секций в одну большую. Чередование количества газа в ней давало возможность поднимать или задира́ть нос корабля.

Зади́рание носа – манёвр совершенно не нужный в практике воздухоплавания, но он потрясающе смотрелся на парадах. И не важно, что резкая перемена угла расположения гондолы вела к обвалу незакреплённых снастей, износу каркаса и увечьям персонала, не успевшего ухватиться за поручни. Главное – больше никто в мире так не умел!

Силовая установка «Императрицы Екатерины» представляла собой сложную систему из десяти модифицированных авионных реактивных двигателей. По пять на каждом борту. Располагались они в отдельных моторных гондолах, которые крепились к коротким толстым крыльям.

Несмотря на комбинированную мощь движков, тяги не хватало, чтобы развить скорость, равную хотя бы лёгкому гражданскому эликоптеру. Людей, интересовавшихся воздухоплаванием, удивляло уже то, что дорогостоящая машина вообще двигалась.

В ходе войны с Австралией дирижабли проявили свои наихудшие качества. Они несли много живой силы и техники, но легко сбивались австралийскими авионами. По количеству жертв потеря одного дирижабля равнялась проигранной битве.

Император Володимар, как и всё семейство Михайловых, обожал дирижабли.

С помощью угроз и подкупа, он убеждал Парламент перекроить государственный бюджет, увеличивая финансирование воздушного флота. Миллионы эльфранков уходили на строительство новых бессмысленных и дорогих воздухоплавательных аппаратов.

Пенсии ветеранов уменьшались. Военно-морская инфраструктура ветшала. Офицеры Имперской Армии и бюджетные работники, вроде учителей или жандармов, месяцами не получали жалования.

Чтобы прокормить семью, офицеры подрабатывали рядовыми в Приватных Военных Компаниях, где их не уважали, и посылали на смертельные миссии или на грошовые подработки по разгону стойбищ выживанцев, раскинувшихся слишком близко к границам Санитарного Домена.

Жандармы, потеряв всякий стыд, брали взятки, отпуская преступников, или торговали конфискатом.

Зато каждые полгода в небо Империи Рूसси взмывал новый воздухоплавательный аппарат, красивее, мощнее и больше прежнего. Патриоты и дворяне радовались «возросшей мощи государства».

Император, патриоты и дворяне верили, что потенциальный противник из Ханаата, узнав, что дирижабли имперского флота способны задирать или наклонять корпус, испугаются технического превосходства Рूसси.

Впрочем, наследственная любовь монарха к дирижаблям легко объяснялась.

Компаниями, которые проводили отделочные работы на новых дирижаблях, руководили близкие родственники правителя. Двигатели и оружие разрабатывали корпорации, типа «Дирижабль-аэронефные заводы Бамако». Они не забывали вносить многомиллионные вклады в так называемый Фонд Поколений, организованный дедом Императора Володимара с целью «обеспечить внутренний рост и финансовую подушку безопасности для наших детей».

Особой гордостью авионесущего дирижабля «Императрица Екатерина» являлась семиуровневая гондола в триста метров длиной и варьирующейся от уровня к уровню шириной – от сорока до десяти метров.

Первый, самый нижний уровень был модульным. При необходимости позволял присоединить к нему или обычную гондолу пассажирского дирижабля или гондолу грузовую. Сейчас тут располагались ангары для размещения эскадронного авиакрыла: десяток эликоптеров, три штурмовых авиона и полсотни ещё не подготовленных к использованию беспилотов, упакованных в ящики.

Ангары занимали левый борт, по правому шли гаражи наземной техники. Землеройные машины и трактора соседствовали с бронепежо, танком и ракетной системой залпового огня на гусеничном шасси.

На втором уровне: квартиры, морозильные камеры пищеблока, кухня, кают-компания и парочка пустых залов, которые планировалось переоборудовать в кабаре и танцевальные залы, когда император соизволит совершить путешествие на Новые Земли. Сейчас залы занимали грузовые контейнеры.

Капитанская рубка и несколько кают для высших чинов располагались в последней, седьмой гондоле. Под каютами – отдельный отсек с десятком управляемых ракет с вакуумными боеголовками.

Огневой мощи «Императрицы Екатерины» хватило бы на то, чтобы вести победоносную кампанию против какого-нибудь города-государства, отказавшегося платить дань Империи Рूसси.

В журнале «Деловой имперец» вышла статья, посвящённая запуску «Императрицы Екатерины». Её автор – знаменитый журналист либеральского толка, пишущий под псевдонимом Прыткий Шарль.

ФАНТАСТИЧЕСКИ ДОРОГОЙ. НЕВЕРОЯТНО НЕУКЛЮЖИЙ. ПОТРЯСАЮЩЕ НЕПОВОРОТЛИВЫЙ

Новый дирижабль, манёвренный, как кусок дерьма, взмыл в небеса Империи.

По моим неточным подсчётам, одного крыла от этого монстра хватает на выплату пенсий двухсот пяти ветеранов войны в течение десяти лет. Ветеранов любой войны. Любой из тех, что Империя ведёт постоянно, умудряясь находить врагов даже в другой части истерзанной планеты. А ведь этих крыльев у дирижабля – четыре.

Далее. Один реактивный двигатель, произведённый на заводах уважаемого Абуджи Бамако, стоит, примерно, как новый микрорайон в бесконечно расширяющейся Москве.

Не буду далее разжигать справедливый гнев читателя, упоминанием того, что санитарная техника в галюнах судна покрыта позолотой.

Кто-то скажет, что мы распространяем непроверенные слухи? Но тогда почему журналистов нашего издания не допустили на осмотр внутреннего убранства этого почти летающего монстра? Бояться, что мы соскребём позолоту с унитазов? Что же, было бы неплохо. Тогда наша редакция наскребёт достаточно золота, чтобы выплатить штраф по приговору суда. Напоминаю, информационную корпорацию «Деловой имперец» обвинили в пропаганде мужеложества и работе на врагов Империи.

Ладно, мы можем допустить, что нашей стране необходимо потратить миллионы и запустить в небо эту инсталляцию, которую спроектировал слепой инженер в припадке безумия. Но куда наша «Императрица Екатерина» отправляется, виляя пухлыми боками и золотым целлюлитом? Наказать непокорный Конурский Ханаат? Пригрозить охамевшим городам-государствам? Напомнить ослабшей Австралии, кто в мире хозяин?

Нет.

В наилучших авиационных традициях Империи, дирижабль летит напрямик в неизвестность. Скажем даже прямо – брюхоногу под хвост.

А точнее, в Новые Земли, заселённые дикарями, которые носят перья в заднице, не умеют читать или писать. Ведь сейчас как никогда важно показать дикарям наше могущество. Дикари опасны, они вооружены стрелами и деревянными топорами.

Знаете что, дорогие читатели, давайте делать ставки, в какой части Океан-моря наша Императрица потонет? Чует моё сердце, что те, кто придумал подобную бессмысленную машину, хотят навариться не только на строительных подрядах, но и на страховке.

Неискренне чужой. Прыткий Шарль.

Прочитав эту статью, Жизель не могла не согласиться с журналистом. Зачем тащить медленного военного монстра на другую сторону планеты? Неужели, чтобы запугивать дикарей?

Принимая задание на военное сопровождение экспедиции к Новым Землям, Жизель запросила номенклатуру перевозимого груза, но в большей части списка стояли белые пропуски.

– Я должна знать, что в немаркированных ящиках, – заявила она.

– Ваше дело охранять периметр будущей колонии от враждебных действий дикарей и опасных животных, а не лезть в управление исследованиями, – ответил ей Матис Галин.

В свои тридцать три года этот молодой учёный-биолог успел, по совместительству, занять место придворного астролога, отчего имел прямой доступ к Императору Володимару. Тот был суеверным человеком. Мало того – Матис Галин стал самым молодым председателем Имперского Института Инноваций, ИИИ. Сам Император назначил его главой экспедиции, хотя

таким же главой назначил и Жизель Яхину. Она чрезвычайно гордилась оказанным доверием. Но до тех пор гордилась, пока не столкнулась с другим начальником.

Отсутствие маркировки и описания груза стало причиной их первого столкновением мнений.

– Я не могу обеспечить полную безопасность проекта, не зная, что у нас в трюме! – кричала Жизель на Матиса Галина.

– Как это влияет на выполнение вашей части работы? – кричал он в ответ.

– Я не обязана отчитываться вам в мотиве моих требований.

– А я не обязан отчитываться вам.

Их спор напоминал драку близнецов: побеждал не тот, кто дрался лучше, а тот, кто первым ошибался.

Не имея опыта придворных интриг, Жизель ошибалась всё время.

Например, направила просьбу о переподчинении ей всего персонала дирижабля «Эскадрону Жизель», но Имперская Канцелярия прислала сухой ответ, что после получения звания «имперского» её эскадрон вышел на иной уровень отношений с государем, в котором нет места бессмысленным бюрократическим процедурам.

Далее ответ состоял из такого количества бюрократических штампов, что Жизель понимала – над ней или издевались, или не принимали всерьёз. В обоих случаях причина – это Матис Галин.

– Звездочёт дранный, – прошипела сквозь зубы Жизель, вернувшись с финального брифинга по экспедиции в Новые Земли. – Какие он, спрашивается, звёзды считает, если их почти не видно?

Пилот Карл ждал Жизель, сидя на кровати в совместной квартире в Форт-Блю. Схватил её за руку, бесцеремонно усадил к себе на колени и успокоил:

– Какая разница, кто кому подчиняется? Нет, ну, я знаю, что система командования – необходимое условие управляемости на поле боя и прочее. Но какое там поле боя?

– Мы не знаем, что нас ждёт в Новых Землях.

– Да брось ты, разведанных достаточно. Новоземельные дикари только-только научились железо ковать. Бегают голые по островам, воткнув перья в задницы.

Жизель пробовала найти возражение... и не могла.

– Наверное, ты прав, Карлуша, – ответила она. – Желая командовать, просто от привычки командовать. Не люблю, когда от меня что-то скрывают.

Карл отвёл с её лба вьющиеся волосы и поцеловал в губы:

– Пусть придворный звездочёт чувствует себя начальником. Наша задача, охранять его от земноводных чудовищ, что заполняют воды у Новых Земель.

НОВЫЕ ПЛАНЫ

ЧАСТЬ НОВЫЕ Г

Главный пилот спецотряда ПВК «Эскадрон Жизель», Карл Дженго, снял шлем управления бес-пилотом. Отстегнул провод и поставил шлем в специальное углубление в столе. Накрыл аппаратуру плёнкой. Зевая, потянулся и протёр покрасневшие глаза.

Кроме Карла в операторском отсеке сидело ещё около десятка мужчин и женщин в униформе Эскадрона. Они крутили головами, со стуком задевая проводами о край стола. Из-под шлемов доносились глухие отголоски радиопереговоров. Иногда то один, то другой оператор поднимал руки, работая с виртуальным интерфейсом бес-пилотов. Часть кресел пустовала. На столиках лежали шлемы, прикрытые прозрачной плёнкой.

За стеклом большого продолговатого иллюминатора клубились облака и водяной пар. Время от времени по стеклу проскальзывала плоскость стеклоочистителя, убирая капли и следы запотевания.

В кабину заглянул Матис Галин:

– Карл? Вы что устроили? Дался вам этот дикарь?

Из-за его спины выглянула Жизель:

– Карл всё правильно сделал. Дал возможность изучить дикарей, не раскрывая своё присутствие раньше времени. Я приказала взять курс на берег.

Жизель отодвинула Матиса Галина, не давая тому пройти внутрь отсека:

– Здесь я отдаю приказы военному персоналу.

Матис Галин смело попробовал отодвинуть Жизель:

– А я здесь отдаю приказы любому персоналу, если того требуют задачи экспедиции. В том числе и вам приказываю: посторониться!

Жизель и Матис одновременно шагнули к Карлу. Пилот отстегнул ремни и поднялся из кресла навстречу двойному начальству.

– Устал? – спросила Жизель.

Карл кивнул:

– Да, но в брифинге участвовать буду. Дайте пару минут. В тубзик сходить надо, да подкрепиться бы.

– Я прикажу подать обед в кают-компанию.

Матис Галин тоже проявил начальственность:

– А я прикажу... прикажу подготовить материалы. Нам нужно принять решение о высадке.

Стюарды накрыли стол в кают-компании. Жизель сидела на одном конце, Матис Галин занял кресло на противоположном. Оба вели себя начальственно, демонстрируя полноту своей власти.

Остальные места за столом занимали члены командного состава экспедиции:

Огинга Коуту, капитан «Императрицы Екатерины». Пожилой негринин, которому сильно за семьдесят. Будучи представителем старинной негрининской семьи, капитан Огинга Коуту считал «Императрицу Екатерину» своей собственностью, а пассажиров принимал за назойливых насекомых, от которых надо поскорее избавиться. Поэтому смотрел на всех презрительно, в обсуждениях не участвовал, подавая голос лишь в тех случаях, когда речь шла о дирижабле. По идее он был главным начальником для тех, кто находился на «Императрице». Но и Жизель, и Матис Галин предпочитали об этом забывать.

Присутствовало и несколько научных помощников Матиса Галина, среди которых выделялся худой смуглолицый мужчина с седыми висками. В его движениях и манере говорить настолько явно проглядывался агент Имперской Канцелярии, что его все в шутку так и называли «месье Бортовой Шпион». Его настоящего имени никто не помнил.

Рядом с Жизель сидел единственный на борту «Императрицы Екатерины» австралиец, переводчик Дэвид Робертс. Бледный и несчастный мужчина. Он постоянно жаловался на тошноту из-за качки дирижабля. После каждого обеда регулярно бегал в туалет, и всё вылёвывал.

– Дэвид, – говорила ему Жизель, – если ты так продолжишь, мы будем закачивать в тебя бульон клизмой через задницу. Давай, ешь нормально.

Он виновато улыбался и обещал «проглотить ещё кусочек».

Дэвид Робертс боялся всех материковых людей, в особенности имперцев. Боялся их грубых шуток и готовности применять физическую силу, как решающий аргумент в споре.

Австралиец оказался в составе экспедиции в качестве жеста доброй воли со стороны Австралии. Программа по обмену специалистами, навязанная Австралии, так и называлась «Добрая воля». Австралия отправляла в Империю Рूसии и Конурский Ханаат физиков, химиков или специалистов по вычислительной технике, взамен получала шпионов, военных и просто бездельников из дворян, которые желали поглядеть на ранее закрытую от всех Австралию.

Австралия, потерпев двойное поражение от Империи Рूसии и Поднебесного Ханаата, лавировала между желаниями победителей, не отдавая явного предпочтения кому-либо. Кстати, Клод Яхин, бывший командан Эскадрона, как раз находился в Австралии по этой программе.

Во время войны Дэвид Робертс работал переводчиком, допрашивал тех пленных материковых людей, чьи диалекты не поддавались машинному преобразованию. Для этого закачал из Потока Сознания себе в голову знания самых распространённых добедовых языков.

Чтобы освободить больше места, Дэвид Робертс стёр память о детстве и юности, да вообще стёр большую часть воспоминаний. Стёр всё, что делало его человеком. Оставил только навыки чтения и прочие базовые умения. Он пожертвовал существенной частью своей личности, чтобы уместить в памяти тысячу мёртвых языков. Одним из них являлась упрощённая версия португальского, на которой разговаривали дикари Новых Земель.

Удалённые данные Дэвид Робертс пересохранил в Потоке Сознания, рассчитывая вернуть их на место после войны. Этого не произошло: Поток Сознания был выключен из-за обнаруженной возможности получить контроль над всеми подключёнными к нему людьми, превратив их в покорных зомби. Именно экстренное отключение спасло Австралию от полного порабощения материковыми государствами.

Дэвид Робертс остался многоязычным обрубком человека, не способным при всём этом нормально общаться самостоятельно. Он совершенно не понимал значения переводимых слов.

Самое ужасное в его положении было то, что напоминание о необходимости восстановить свою личность из архива, должно было прийти непосредственно из Потока Сознания. Но Дэвид Робертс даже не знал, что где-то, на обесточенных серверах Потока Сознания, хранилась его настоящая личность.

По-сути, ему пришлось заново учиться быть человеком. В обществе же имперцев он превратился во что-то вроде зашуганного подмастерья, который даже не знал, как пользоваться носовым платком, поэтому размазывал сопли по одежде.

В кают-компанию явился Карл, сел в кресло, открыл крышку тарелки с бульоном:

– Прошу у всех пардона, но я буду жрать. А вы начинайте.

Матис Галин провёл пальцем по табло – на экране стены кают-компания отобразилась карта Новых Земель: несчётное множество маленьких островов с несколькими крупными островами в центре.

Матис Галин подошёл к карте и начал вещать. Он именно, что вещал, а не говорил. Сказывалась привычка растолковывать императору его гороскоп:

– Новоземельный проект должен соответствовать реальным возможностям местного населения на достигнутом ими уровне материальной и интеллектуальной культуры.

– То есть, дикари обречены остаться дикарями? – съязвила Жизель.

– Они не способны вдруг перейти в развитое общество. Можно вытащить перо из задницы дикаря, но самого дикаря оттуда не вытащишь.

Карл доел бульон. Облокотившись на стол, прихлёбывал цикорий:

– Идеальные подданные, а? Ни тебе Фронды, ни парламента, ни прав и свобод гражданина...

Вмешался один из научных помощников Матиса Галина:

– Эти дикари не так уж дики. У них своё представление о мире. Оно обязательно войдёт в противоречие с нашими целями.

– А какие ваши цели? – быстро спросила Жизель.

– Построить базу и основать центр взаимодействия с дикарями, – спокойно отозвался Матис Галин.

– Поэтому большая часть нашего груза – это оборудование непонятного предназначения?

Тут вмешался Бортовой Шпион:

– Вы, Жизель, не горячитесь. У каждого свои задачи. Например, на вашу пэ-вэ-ка ложится ответственность не только по обеспечению безопасности экспедиции, но и проникновение вглубь больших островов, где на спутниковых снимках видны остатки древних, и, судя по всему, добедовых городов.

Карл согласился:

– Я на бес-пилоте полюбовался развалинами. Такого мы и в Неудоби не встречали. Дикари, видимо, считают эти места проклятыми и обходят стороной. Ничего не разворовали. А некоторые строения, честное слово, выглядят лучше, чем муниципальные микрорайоны на окраинах Москвы.

Капитан дирижабля, надменно, не глядя ни на кого сказал:

– Через сорок минут выйдем к острову. Мне спускаться ниже линии облаков или нет?

Жизель приготовилась отбивать попытки Матиса Галина перетянуть командование на себя, но тот неожиданно мягко заметил:

– Это решать нашему главе по безопасности.

Но даже эта мягкость рассердила Жизель. Этот уклон слов словно разрешал ей командовать.

Карл отставил кружку и сунул Жизель свой ординатёр-табло:

– Смотри, это записи с бортовой камеры моего бес-пилота, который в автономном режиме сейчас патрулирует берег. Наш паренёк вернулся.

Все присутствующие, кроме капитана, сгрудились вокруг табло.

Жизель пару секунд смотрела, как спасённый от морских чудовищ пастух шагал по песку.

Положила руку на плечо Карлу:

– Давай его к нам? В прошлый раз какого-то безумного старика захватили. Он нёс какую-то муть про Платформу какую-то...

– «Плат-а-Форма», искажённое произношение на древнем языке, – вставил переводчик Дэвид Робертс и стыдливо замолк, ковыряясь в носу.

– Про огненный шнур какой-то вещал, – продолжила Жизель. Про всемирную воронку. Сказки дурацкие. По существу мы про мировоззрение дикарей ничего не узнали.

– В крови старика нашли много химикатов, наркотики какие-то, – сказал один помощник. – Вообще на островах десятки растений, каждое из них пригодно для создания галлюциногенов. Просто клад какой-то... Куда там нашей пудре...

– Изучим молодого представителя дикарей, прежде чем начнём высадку, – подвела Жизель итог совещания. – Карл, прости, но тебе снова за работу. Подними парня на борт.

– А не проще ли выслать эликоптер? – вмешался Матис Галин.

– Не проще. Я сама решаю, какой уровень взаимодействия с местными жителями будет безопасным.

– Ну-ну, решай, решай, – усмехнулся Матис Галин.

НОВЫЕ ВРАГИ

Хавьер потерял счёт оборотам солнца, отмечая своё пребывание во чреве веспы-матки. Да и само солнце видел редко – только через «ил-лю-ми-на-тор».

Люди-из-Веспы пытались научить его цифрам, но с ними были самые главные трудности. Хавьер не понимал, почему одна закорючка означала пять пальцев, а другая – один. Одна, круглая, вообще не означала ничего, но в соседстве с закорючкой «один палец» составляла сразу десять.

– Зачем сложности? – удивился Хавьер. – Один палец нужно изображать одним пальцем, то есть одной чертой. Два пальца – двумя. Три – тремя.

– А десять пальцев – десять чёрточек? – спросила Жизель через переводчика слов. – А двадцать?

Хавьер сложил руки крест-накрест на груди и повторил движение:

– Это двадцать. – Повторил в третий раз. – И тридцать.

– Ну, ладно, а тысячу, а сто тысяч?

Хавьер вопросительно посмотрел на Дэвида Робертса:

– Что такое «сто тысяч»?

Тот пожал плечами:

– Не знаю.

Хавьер недоумевал, почему Люди-из-Веспы вообще оказались наивными, как дети. Они ничего не знали о мире. Они не знали, что мир состоял из множества островов, которые Плат-а-Форм связал огненной бечевой, чтобы не разбежались в разные стороны во время бега в воронку, которая крутилась в центре Бесконечного Осеано. Ведь это знал любой ребёнок в любой деревне.

Хавьер очень старался рассказать, что Бесконечный Осеано выливался в воронку. Когда настанет конец его водам, тогда и будет конец времён.

Но ему ещё не хватало слов.

Бледный мужчина, Дэвид Робертс, которого постоянно тошнило, был хорошим учителем слов. Хотя, кажется, невероятно глупым человеком. Он говорил на языке людей лучше, чем шаман. Он знал такие слова, какие сам Хавьер слышал впервые, но понимал, что это, несомненно, слова человеческого языка. Правда, смущало то, что Дэвид Робертс, икая от рвоты, называл язык людей «мёртвым» и каким-то «пор-ту-гэль-ским».

Ещё Дэвид Робертс умел немного колдовать, впрочем, как и все Люди-из-Веспы. Иногда он водил Хавьер в какую-то пустую комнату с металлическим сидалищем в центре. Прикреплял к голове Хавьера мокрые кружочки на ниточках и просил сидеть спокойно.

Хавьер боялся, но Жизель, самая красивая женщина на всех островах, стояла рядом и успокаивала:

– Это технология, которую разработал наш бортовой дурачок Дэвид. Она позволит тебе быстрее учиться.

Хавьер тогда не понимал её слов, но кивал, радуясь тону её голоса.

Дэвид Робертс натягивал на голову Хавьеру маску. Вместо окружающего пространства Хавьер видел мир, в котором быстро-быстро появлялись и пропадали изображения людей. Они выполняли обычные действия: ходили, садились, смеялись, ели и пили. Их действия сопровождались голосом, называющим эти действия одновременно на языке людей островов и одновременно на языке Людей-из-Веспы.

Вперемешку с людьми мелькали предметы: тарелки, накидки, овощи и животные. Многие из предметов были незнакомы.

Каждый появившийся человек или предмет отдавался в голове покалывающей болью, будто колючая мышь орисо выкопала внутри его черепа норку и распрямила все свои иголки.

Мельтешение заканчивалось, когда у Хавьера так сильно болела голова, что он тихонько скулил не смея плакать в присутствии самой великой и прекрасной женщины в мире.

Его отводили в комнату «ка-ю-та» и давали уснуть. Во сне Хавьер вёл себя как Человек-из-Веспы, свободно говорил на их языке и называл все предметы, понимая их предназначение.

Просыпался Хавьер с лёгкой головой и ещё большим знанием слов Людей-из-Веспы.

Спустя много-много оборотов солнца, Хавьер уже мог связно высказать чернолицему человеку Карлу благодарность за своё спасение.

Хавьер уже знал, что веспы – это не живые существа, но что-то вроде оружия, которым Люди-из-Веспы управляли силой мысли, надев специальную шапку. Что, кстати, было понятным: шаман Маттеус Коричневый Коготь, когда принимал волшебный сок, тоже часто надевал большие маски, изображающие разных зверей.

Ещё Хавьер знал, что Карл – главный пилот. Что такое пилот понимал смутно – в мыслях мелькала картинка человека верхом на веспе.

– Значит вы наши бес-пилоты «веспами» кличете? – смеялся Карл. – А что, мне нравится. Красиво.

Учитель слов, Дэвид Робертс, сдерживая непрекращающуюся рвоту, поведал:

– На мёртвом языке «веспа» – это «оса».

– Что такое оса? – недоумевал Карл.

Дэвид Робертс пожимал плечами:

– Я не знаю. Знаю, что «оса».

Хавьер слышал и понимал разговор, нетерпеливо прыгал перед ними, махал руками, пытаясь изобразить насекомое:

– Веспа, оса, делает так з-з-з-зы. И жало этует...

Показывал как насекомое село на руку и ужалило.

Карл смеялся, Дэвид Робертс зажимал рот рукой, а самая красивая женщина на свете, Жизель, улыбалась.

Чтобы развеселить её ещё сильнее, Хавьер кривлялся, танцевал и кувыркался через голову, как на празднике окончания Чёрной Волны.

Люди-из-Веспы хорошо относились к Хавьеру. Давали удивительно вкусную пищу, приготовленную в железном ящике. Давали пить оранжину, светло-жёлтую воду, которая приятно щипала язык. Давали пить алкоситро, от которого Хавьер чувствовал себя выше ростом и боялся удариться о потолок комнаты.

Правда, они не выпускали его обратно вниз, на родной остров. Но он не переживал. Внутри веспы-матки было во сто тысяч раз (Наконец-то применил невообразимое число!) интереснее.

Да и сам Хавьер не спешил домой, припоминая удар острым посохом по спине. Ведь в следующий раз на кончике посоха мог бы быть яд. Именно так шаман приводил в исполнение смертельные приговоры. Правда, приговорённый узнавал об этом только после укола.

Люди-из-Веспы старались узнать о мире всё.

Жизель, самая главная и красивая женщина на свете, часто водила Хавьера к стене в брюхе матки. Через эту стену открывался вид на родную деревню. Хавьер видел сверху каждый дом, каждого стражника у ворот.

Видел, как шаман собрал однажды всех жителей у котла. Горел огонь, крышка была открыта, в котле кипела вода.

Хавьер уже овладел умением приближать и отдалять предметы в окне, касаясь пальцем стены с изображением деревни. Мир послушно увеличивался, показав вблизи то, как шаман бросил в кипящую воду охапку корней и плодов, объявляя начало Чёрной Волны.

– А теперь что он делает? – спросила Жизель.

Хавьер тяжело вздохнул:

– Это по моей вине... Я потерял стадо, значит, мяса не хватит для всех. Шаман даёт знать духу Буффалы, что в этот раз корней и травы будет больше, чем мяса.

– Не понимаю, неужели вы ни разу не пробовали попросту истребить этих выдр? – спросила Жизель.

– Ты разве, не знаешь, что случилось с людьми из деревни Несчастных? – ужаснулся Хавьер.

– Не знаю, – улыбнулась Жизель. – Мы ведь не местные. А что с ними было?

– Много-много оборотов островов вокруг воронки, быть может, сто тысяч тому назад, жители деревни Несчастных решили, что они могут не закрывать свою деревню на период Чёрной Волны. Чтобы драться с выдрами, они решили сделать много-много железных доспехов. Кроме того, нашли в забытых землях, где квадратные горы, небывалой силы оружие, которое могло убивать солнечным лучом.

– Забытые земли, по-видимому, те самые острова с остатками добедовых городов, – подсказал Карл.

– Несчастные сделали себе железные доспехи, выковали много стрел для луков и много топоров и вышли к берегу, ожидая начала Чёрной Волны, – продолжил Хавьер. – Когда из Бесконечного Осеано вышли первые выдры, они легко убили их солнечными лучами. Когда выдры поняли, что на берегу их ждёт смерть, затаились в воде. Несчастные люди решили, что победа за ними. Вернулись в свою деревню и начали пировать. Вместе с собой они притащили мёртвых выдр, отрезали их головы и прибили к забору, показывая всем, что они самые сильные люди мира, которые никого не боятся.

– Молодцы, так и надо, – сказала Жизель.

– Но выдры вернулись за своими мёртвыми. Их пришло огромное множество, сто тысяч, наверное. Они полностью покрыли собой весь остров. Даже лучи из магического оружия не могли их остановить. Выдры изгрызли весь остров. Не осталось не только деревни Несчастных, но и ни единого растения, только квадратные горы и камни на берегу.

– Что вы думаете об этой легенде? – спросила Жизель Матиса Галина. Тот всегда присутствовал при подобных беседах во время наблюдения жизни дикарей.

– Что, как и все легенды, это правда, от первого до последнего слова. Мы изучили несколько особей. Удивительные животные, кстати говоря. Всеядные, умные, живут под водой, но и на суше нормально себя чувствуют. Объём мозга больше всего удивил. Почти человеческий. Неудивительно, что они способны на сложную организацию и планирование атаки. Даже само желание целенаправленно отомстить определённым людям – свидетельство о зачаточном интеллекте.

– Зачистка всего острова похожа на показательное наказание. Чтобы другие люди не вздумали повторить подвиги этих несчастных.

– Именно.

Жизель задумалась:

– Атаковав выдр, мы как бы записались в их враги?

– Хе-хе, для существа, обладающего сознанием, любые другие существа – уже враги. Для войны с выдрами экспедиции и нужна ваша ПВК. Мы продолжаем изучать выдр, строение тела, слабые места, язык...

– У них есть язык?

– Ну, мы его так называли. Точнее – невербальная знаковая система, основанная на химической сигнализации. А если точно и коротко – молекулярная коммуникация. Когда одна выдра хочет что-то сообщить другой, она выделяет в окружающую воду телергоны, смесь молекул разных веществ. Выдра-адресат принимает их, расшифровывает и, при необходимости, выпускает обратно, видоизменив набор молекул. То есть ведёт диалог.

– Можно ли как-то перехватить диалог?

– У нас мало данных, чтобы точно объяснить всё. Даже сам диалог – это теория. Перехватить-то не проблема. Но чтобы понять, о чём одна выдра говорит другой нужно самому стать выдрой. Кроме того, мы выяснили, что хоть выдры и способны сплотиться против общего врага, живут они обособленными враждующими кланами. Социальная иерархия не известна. Учитывая зачатки сознания, можно сказать – что выдры живут государствами. Мы запускали несколько подводных зондов, для изучения ближайшего сообщества выдр.

– Да, я слышала, что были потери?

– Первый зонд выдры, так сказать, изучали. Датчики химсостава жидкости зафиксировали появление в воде дикой смеси телергонов. То есть, при виде зонда, выдры устроили что-то вроде тревоги. Скоро наш зонд окружили. После «совещания», наличие которого мы предположили из-за быстро менявшегося состава телергонов, выдры одновременно набросились на зонд. Мы не стали применять оружие или уводить аппарат, решили посмотреть, как они с ним справятся. Заодно мониторили изменения состава телергона.

– И что они сделали?

– Сначала кусали, ломая зубы. Били лапами, целясь в объективы камер. Поняв безуспешность попыток, они снова посоветовались и разом накинулись на зонд, уводя его вниз, на дно. Мы регулировали тягу двигателя, сопротивляясь ровно настолько, чтобы им казалось, что они не справляются. Тогда сверху набрасывались дополнительные выдры. Достигну дна, они затолкали зонд в расселину между камнями, а сверху накидали целую пирамиду камней.

– Разве зонд не смог бы выбраться?

– Смог бы. Но тут мы потеряли связь.

– Почему?

– Когда выслали второй зонд, увидели, что каменная пирамида сверху накрыта кусками металла. Судя по форме, обшивка подводных судов.

– То есть выдры знали, что могут блокировать управление зондом, экранировав каким-то металлом?

– Я думаю, этот метал – остатки подлодок. В их строительстве применяется подобный подход, чтобы быть неуязвимыми для радиолокаторов.

– Смышлёные твари, – заметила Жизель.

Матис Галин предостерегающе растопырил ладонь:

– Рано делать выводы. Применение экранирующего металла могло быть случайностью. Закончились камни в округе, вот и тащили, что попадётся.

– Хорошо, что выдры обитают только в Новых Землях.

– Да, Неудобь для них непреодолима. Слава Иисусу-деву-марие!

НОВЫЕ ЗАДАЧИ

Хавьер усиленно вслушивался в разговоры Людей-из-Веспы. Странно было узнавать устройство мира через их понимание. И чем дальше, тем больше Хавьер понимал, что именно Люди-из-Веспы знают реальность, а народы островов живут в надуманных представлениях.

Это понимание не нравилось ему, словно он предал отца, мать и остальных сородичей.

Сеансы «нейролингвистической стимуляции обработки языковой информации» шли каждый день. Хавьер уже легко произносил эти словосочетания, не понимая их значения.

– Ну, совсем как наш Дэвид Робертс! – смеялась Жизель.

Карл хлопал Хавьера по плечу:

– Не сравнивай, Дэвид останется на всю жизнь овощем, а Хавьер умнеет и умнеет!

Однажды дам тебе веспу погонять.

– Ну-ну, – остановила Жизель. – Не обнадеживай парня. Пусть хотя бы признает, что нет никакого Плат-а-Форма и горящей верёвки...

– Огненной бечевы, – упрямо поправил Хавьер.

В ответ Жизель говорила непонятное:

– Прав Матис Галин, они не смогут поменяться за одно поколение. Жаль, что нейролингвистическую стимуляцию придётся прекратить. Она не работает.

Карл удивился:

– Ты чего? Парень за месяц стал говорить на нашем языке.

– Взамен получил такую травму мозга, что ещё неизвестно, выживет ли. Высок риск кровоизлияния.

– Ничего, если знает язык, может продолжить обучение обычным способом.

Хавьер переводил взгляд с Жизель на Карла, вслушиваясь в слова. Не понравилось, что о нём говорили как о Дэвиде Робертсе, а о том всегда говорили как о предмете, который в комнате, но который не способен понять, что говорили о нём:

– Я тут. Может, спросите мои мысли?

Карл и Жизель замолчали.

– Ого, начал права качать, – сказал Карл. – Ещё немного и у нас собственная Фронда вырастет.

– Пардон, – серьёзно сказала Жизель. – Какие твои мысли?

– Я хочу продолжить это нейроновое лингвистичное стимулирование. Я хочу скорее стать таким же умным, как вы.

Жизель покачала головой:

– Хавьер, эта технология опасна. Помнишь, я рассказывала тебе о Поток Сознания, который существовал у австралийцев до войны?

– Да, австралийцы могли превратиться в любого человека.

– Не превратиться, а приобрести любые знания и опыт просто выбрав нужные из каталога. Это было очень удобно... Это и стало почти гибелью для них. Один злой человек по имени Дель Фин смог взломать Поток Сознания и загрузил в память каждого австралийца часть своей личности, заставил их повиноваться себе*. Поэтому сейчас Поток Сознания отключён, чтобы вирус Дель Фин не распространялся дальше.

– Но мне же не так делают, меня электричеством учат.

– Да, нейролингвистическая стимуляция – это попытка возродить Поток Сознания, но неудачная. Ты можешь умереть. Мы решили прекратить.

– Но я хочу знать...

– Чтобы знать, надо учиться. Другого пути нет.

– Я хочу учиться!

Жизель снова переглянулась с Карлом:

– Мы попробуем. В конце концов, мы затеяли этот эксперимент с обучением дикарей...

– Мир – это не кучка островов, которые плывут по Бесконечному Осеано к центру воронки, как вы, дикари, считаете, – сказала Жизель и развернула на экране стены «Карту мира».

Хавьер умел читать подписи. Нейролингвистическое стимулирование выжгло в мозгу знание букв.

Несколько мгновений Хавьер и Жизель молча смотрели на карту с очертаниями материков, бесконечным Океан-морем и заштрихованной зоной Неудоби, покрывающей большую часть мира.

– Хм, – кашлянула Жизель. – Вообще-то, на первый взгляд, да... мир будто бы состоит из кучки островов... Мы называем их материками... и они, чёрт подери, движутся. После Большой Беды движение литосферы усилилось.

– Не такие мы дикари оказались? – не удержался от насмешки Хавьер. – А что такое Неудобь?

– Непригодные для жизни территории, образовавшиеся после растянутых во времени природно-техногенных катаклизмов. Большая Беда – общее название для серии катастроф. Даже австралийские архивы, оставшиеся после отключения Потока Сознания, расходятся в описании причин. Ясно одно – виноваты добедовые люди, но когда они захотели исправить то, что натворили, было поздно – природа продолжила начатое людьми. В земной коре постепенно, с разницей иногда в сто, иногда в двести лет образовалось пять тектонических разломов. Каждый разлом давал старт отдельной катастрофе, уничтожающей восстановленную было цивилизацию. На протяжении почти тысячи лет человечество пять раз достигало некоторого уровня развития, но приходила очередная волна, уничтожая все достижения. И мы снова строили свои города на обломках обломков, уступая Неудоби всё больше и больше территории.

Хавьер показал на карте жёлтые полосы разломов, тянущиеся от одного материка к другому:

– Огненная бечева.

Жизель задорно засмеялась:

– Сдаюсь! Тебя нечему учить, ты всё знаешь, просто другими словами. Прав Матис Галин: легенды всегда верны.

Хавьер задумчиво смотрел на разломы, на штриховку Неудоби, на границы материковых государств, на отдельный континент Австралии:

– Получается, мы, островные люди, не могли восстановить свою цивилизацию из-за выдр.

– Да, это одно из предположений.

– Чёрная Волна выдр, которые выходили на сушу для спаривания, загнала нас за высокие заборы вокруг деревень. Мы не могли строить большие города, мы не могли распахивать землю, мы даже не могли пасти большие стада буффал, слишком много места занимали. А если оставлять буффал за оградой, то выдры их сжирали.

Хавьер раздражённо сжал кулак. Жизель подошла к нему и погладила по голове:

– Мы вам поможем. Мы этих ваших выдр... Как вы их кличете на своём языке?

Но раньше Хавьера отозвался Дэвид Робертс:

– «Лонтрас» – значит выдра.

За три недели, Хавьер так овладел языком, что услуги переводчика были не нужны. Дэвид Робертс одиноко бродил по дирижаблю, блевал где придётся, или стоял в тёмных углах, то ли слушая разговоры, то ли шум за бортом, то ли свои смутные мысли, состоящие из непонятных слов неизвестных языков.

Он был столь жалок, что над ним перестали потешаться. Его старались не замечать, как шелудивого брюхонога с перебитыми лапами.

Жизель продолжила:

– Мы поможем вам уничтожить лонтрасов этих. Острова теперь под защитой Империи Рूसси. Мы наведём здесь порядок. Хм, впрочем, нам бы у себя навести порядок... Тем не менее, не плачь, Хавьер. Для вас действительно настали новые времена. Уж в этом поверь своему шаману.

Но Хавьер стал слишком умным, чтобы верить шаманам. Он до последнего оттягивал свой выход из воздушного корабля.

«Императрица Екатерина» всё это время кружила над островами, выбирая место для постройки первой базы на Новых Землях.

Хавьер любил смотреть в иллюминатор на деревни.

Если бы не Люди-из-Веспы, он никогда не узнал бы, как много островов, и какие они одинаковые. И на каждом острове – деревни, деревни, деревни... Каждая деревня была обнесена высоким забором, защищающим жителей от нашествия выдр.

В каждой правил шаман, наряженный в свойственный острову костюм. Обычно в маску необычного животного, обитающего только на их острове, или необычной квадратной скалы, которой нет в других деревнях.

В центре одной деревни стояла вертикальная труба с шаром на конце. Жители деревни гордились, что у них такой Бог, а Люди-из-Веспы сказали, что это обломок строения добедовых людей:

– Скорее всего, часть космического лифта, – заверил один из помощников Матиса Галина. – Похожие сегменты Поднебесный Ханаат нашёл во время раскопок в Неудоби, лет десять назад.

В такие минуты Хавьеру делалось особенно горько. Он смотрел сверху на сородичей и понимал, что не может к ним вернуться. Даже если он навсегда покинет веспу-матку... то есть «управляемый аэростат класса Коллосаль», как её на самом деле зовут, то он совершенно не понимал, чем будет заниматься среди дикарей?

Водить буффал на пастбища? Выращивать плоды? Даже благородное желание истребить выдр с помощью оружия Людей-из-Веспы похоже на бегство, будто Хавьер хотел занять себя чем-то лишь бы не думать о будущем. Лишь бы не жить среди себе подобных.

– Они называют нас дикарями только от того, что мы не знаем названия многих вещей, – думал он, глядя на обломки космического лифта в центре деревни.

Кстати, в тяге называть вещи Люди-из-Веспы были очень похожи на дикарей, хотя не считали себя такими. Они так же навешивали громкие имена на неодушевлённые предметы.

Дирижабль носил имя давно умершей женщины, которая правила их племенем много оборотов... то есть веков назад. Быть может, сто тысяч.

Карл называл свои бес-пилоты «мои маленькие засранцы».

Жизель, самая красивая женщина на свете, давала имена полоскам железа под названием «сабля». У неё была сабля «Малышка», с короткой рукояткой в форме эрегированного члена. Была сабля «Красный Тигр», потому что выкована из стали с вкраплениями металла из Неудоби, что придавало ей полосатый вид. Была длинная, не стоящая прямо сабля с широким неровным лезвием. Эту железку Жизель называла «Толстячок».

Только Дэвид Робертс, человек, знающий все слова в мире, ничего не называл, а только произносил звуки, значения которых не понимал.

Настроение Хавьера подметила Жизель.

Вечером она пришла в комнату Дэвида Робертса, с которым жил Хавьер.

По сути, Хавьер жил один, так как Дэвид Робертс часто бывал внизу, на островах, переводил. Даже если он возвращался в свою каморку, то ему было совершенно безразлично, есть там кто-либо или нет. Он садился на стул в углу и замирал, глядя в одну точку. Его стало реже тошнить, он мог сидеть часами, превращаясь в настоящий предмет интереса.

– Мы решили строить четвёртую базу на острове твоей деревни, – сказал Жизель. – Ты не хочешь спуститься вниз с нами? Поможешь в переговорах с жителями.

Хавьер помотал головой.

– Не бойся, шаман не посмеет тебе ничего сделать. Ты ведь под защитой весполюдей.

Хавьер оторвался от ординатора-табло, на котором пытался читать книги Людей-из-Веспы:

– Людей-из-Веспы, – меланхолично поправил Хавьер. – И я не боюсь шамана. Несчастный старый дурак.

– Не будешь же ты вечно сидеть на дирижабле? После закладки четвёртой базы Катка отправится обратно.

– А ты?

– Если успею наладить работу по охране баз, то тоже.

– Я хочу обратно. То есть не обратно, обратно с дирижаблем. Я не хочу жить на островах.

– Хавьер, это невозможно. Твое место на Новых Землях, среди сородичей. Что ты будешь делать в Империи Рूसси? Ты понятия не имеешь, как мы живём. Ты даже говоришь не очень-то хорошо.

Хавьер упрямо помотал головой:

– Я не хочу, как дикарь. Я хочу, как умный. Буду видеть мир.

– Какой, к дьяволу, мир, Хавьер? Ты свои острова родные изучи.

Но Хавьер упрямылся:

– Всё равно, я хочу в ци-ви-ли-за-цию.

– Ох, Хавьер, боюсь, чем умнее ты будешь становиться, тем сильнее будешь понимать, что нет никакой цивилизации. Что Империя и Ханаат такие же племена дикарей, возглавляемые обдолбанными шаманами.

Хавьер засмеялся:

– Я уже понимаю.

– Давай, договоримся. Скоро мы организуем экспедицию на Запретный остров.

– Где квадратные горы?

– Да. Там развалины добедового города. Ты пойдёшь с нами. Ты как-никак местный. Кроме того, ты считаешься подопытным образцом. На твоём примере будут оценивать возможности интеграции дикарей.

– Тем более надо интегрирца в цивилизацию.

– Я не обещаю, что ты сможешь полететь в Империю, у тебя даже гражданского чипа нет, но ты можешь попытаться заслужить право жить в Империи. Пусть будущее покажет?

Хавьер выключил табло и с готовностью поднялся:

– Я сам покажу этому будущему!

Примечания

Один злой человек по имени Дель Фин смог взломать Поток Сознания и загрузил в память каждого австралийца часть своей личности, заставил их повиноваться себе*

Один их сюжетов первого романа серии Ан Гард «Белый мусор».

НОВЫЕ НАЗВАНИЯ

«Императрица Екатерина» действительно, как гигантское насекомое, облетела все острова Новых Земель, отложив на землю кладку яиц в виде военных баз.

Четыре раза она зависала над выбранным островом.

Между чревом дирижабля и землёй начинали курсировать эликоптеры, доставляя стройматериалы и технику.

Строительные роботы, доставшиеся Империи в дар от австралийцев, приступали к очистке территории от джунглей и выравниваю площади застройки. Стройботов было не слишком много, поэтому люди работали наравне с ними.

Территорию будущей базы огораживали и воздвигали инженерную защиту периметра: высокие сетчатые заборы с козырьками. Несколько вышек с пулемётчиками и готовыми базами посадки и подзарядки бес-пилотов.

Одновременно строили энергетическую установку и ветряки, потом бурили скважину для воды. Вообще Новые Земли оказались настоящим водяным раем. Воды Океан-моря были менее горячими, местами вообще холодными. Поэтому выдры развелись здесь в таком количестве. Кроме этого грунтовые воды были совершенно чистыми. В Империи и Ханаате почти вся вода часто содержала примеси из Неудоби.

База быстро обустраивалась. Воздвигались огромные сооружения, о назначении которых Матис Галин отказывался говорить. Наравне с корпусами лабораторий воздвигалась причальная мачта для будущих рейсов гражданских дирижаблей. Наладкой охранной сигнализации корпусов тоже занимался инженер, не принадлежащий к Эскадрону Жизель.

Впрочем, у Жизель было слишком много забот, чтобы тратить время на пререкания с Матисом Галиным.

Отряды «Эскадрона Жизель» прочёсывали окрестности, уточняя топографические карты и планы. Именно они первыми наткнулись на местных жителей и устанавливали контакт. Жизель удивляла инструкция Матиса Галина. Он просил быть максимально вежливыми и приветливыми с дикарями. При встрече с ними эскадронцы одаривали их безделушками, типа зажигалок, пластиковых браслетов, которые надевали обычно на трупы, а так же бесчисленные значки, флажки и вымпелы с символикой Империи Рүсси.

Дикари спокойно принимали дары Людей-из-Веспы. Через переводчика они выражали восторг, что наконец-то их жизнь поменяется к лучшему.

Несколько раз эскадронцы отогнали выдр, атаковавших деревни. Сезон Чёрной Волны близился к концу, выдры почти не выходили на берег. Но эти победные стычки поразили дикарей. Могущество Людей-из-Веспы казалось им безграничным.

В одной деревне близкой к базе был свергнут старый тотем (предположительно – обломок спутниковой антенны). Из глины и палок был сооружён уродливый муляж дирижабля «Императрица Екатерина». Жители этой деревни провозгласили себя «Потомками Людей-из-Веспы», отказавшись от веры в Плат-а-Форма.

Дикари стали копировать поведение эскадронцев. Начали носить деревянные макеты оружия. Пробовали учить слова пришельцев, вставляя их в свою речь.

Так как режим максимальной дружелюбности соблюдался, эскадронцы обменивали свою старую или порванную одежду на листья и семена макойи. При их курении возникал лёгкий веселящий эффект, как от пудры.

Шаманы и их приближённые щеголяли в обносках, провозглашая, что отныне все Потомки Людей-из-Веспы должны носить похожую одежду. Женщин усадили ткать. Из грубой ткани, окрашенной соком растений, создавались грубые подобию брюк, маек и шорт.

Из древесной коры создавались шлемы и обувь. Деревянная одежда натирала ноги и шею, но дикари мужественно терпели, полагая, что Люди-из-Веспы испытывали те же трудности.

Однажды шаману Деревни Потомков принесли в дар корпус от бес-пилота.

Весть о том, что шаман заимел собственную веспу, гонцы разнесли по всем островам. Это стало переломным моментом для остальных деревень. Начались массовые отказы от веры в Плат-а-Форма и переход в новоизобретённую веру в Потомков.

Все дикари стали носить деревянные автоматы и неудобные шлемы из коры дерева. Все деревни построили у себя макеты «Императрицы Екатерины» разной степени схожести. Осо-

бенно интересные варианты получались у тех скульпторов, которые никогда не видели веспу-матку, и делали свои макеты, основываясь на макетах из соседних деревень.

Но абсолютными шедеврами народного творчества стали макеты дирижабля, построенные по рассказам шаманов, которые тоже никогда не видели оригинала над своей деревней, но уверяли, «что видели матку на расстоянии вытянутой руки», когда путешествовали по миру на волнах магического сока.

Всего было заложено четыре базы:

«Южный Скипетр» – на самом большом и густонаселённом острове Новых Земель. На нём было более тысячи деревень, из которых сотня тянули на небольшой городок, а парочка так вообще были большими, как столица провинции в Империи Рूसси. Колонизаторы захотели назвать остров в честь какого-нибудь великого имперца, но Матис Галин приказал наносить на карты родные, дикарские названия.

– Да у них же названия ничего не значат, – взмолился имперский картограф. – Звучит как белиберда.

Но послушно начал наносить на карту названия.

Остров назывался Монтада. База Южный Скипетр соответствовала его масштабу, занимая четыре квадратных километра. Жизель даже устала придумывать варианты того, зачем нужна такая огромная площадь?

Вторая база, тёзка дирижабля «Императрица Екатерина», была расположена со стратегическим умыслом: на острове Айрес, ближайшем к выходу из коридора через Неудобь.

Третья база, с нейтральным названием «Новые горизонты» заняла небольшой остров Капринга, расположенный в центре группы населённых островов. На ней был построен причал и распланирована морская инфраструктура. Кроме этого, началось строительство моста к ближайшему острову.

«Новые горизонты» стали первыми, кто привлёк к работам местное население, оплачивая труд всё теми же безделушками или примитивной хрупкой, почти бумажной одеждой, наспех распечатанной на австралийском сабжект-принтере.

Четвёртая база располагалась на Запретном острове. Вообще, дикари называли «запретными» всё те острова, на которые они не могли получить доступ из-за огромного количества выдр, что жили в тех местах.

Эта база была меньше всех, и на ней не было тех странных обширных построек и лабораторий, как на других. Главное, не было приказа строить защиту периметра, тогда как остальные базы походили на готовящиеся к осаде крепости. И название у неё было простое: «Четвёртая База», что говорило об её временном характере.

Императрица Екатерина ходила по маршруту между всеми четырьмя строительствами, перебрасывая технику и стройматериалы. На дирижабле стало пусто, ведь большая часть персонала расселилась по базам. Осталась только судовая команда и начальство, которое, впрочем, иногда оставалось на базах, как тот же Матис Галин и его помощники, включая мосье Бортового Шпиона.

НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Жизель и Карл делились с Хавьером своим опытом.

Карл научил управлять немного бес-пилотом:

– Сила веспы в том, что ты наносишь удар противнику, находясь за много километров от него. Если решишь стать пилотом, то после обучения сможешь управлять не одной, а целым роем весп!

– Но у меня только два глаза?

– Тут не в глазах сила, а в технологии. Рой может, как и следовать за главной веспой, так и действовать на разной степени автономности, сохраняя привязку к той веспе, чьими глазами ты смотришь.

Хавьера не интересовало то, какими способами веспа умеет убивать. А вот слово «тех-но-ло-гия» ласкало слух.

Хавьер не хотел быть воином веспы. Он хотел быть её создателем. Или тем человеком, который способен разрезать её металлический корпус, вынуть её сердце – мотор – распутать её разноцветные кровеносные сосуды – провода – откалибровать или поменять её мозг – процессор встроенного ординатора.

Его интересовало, как веспа работает. Почему она не падала, почему у одной веспы в центре огромный пропеллер, а у другой круг, внутри которого дрожало синее пламя? Как веспа понимала приказы оператора? Каким образом шлем на голове оператора передавал веспе направление и угол полёта? Как возникали в воздухе символы «ин-тер-фей-са» и как они откликались на движение руки оператора-пилота? Как одна веспа понимала другую и признавала в ней главную, следуя за ней на точном расстоянии?

Неужели всё это менее интересно, чем смотреть глазами веспы на беззащитную цель на земле, выпуская на неё смертоносную стаю хвостатых ракет или осыпая смертоносными плевками пуль?

Жизель пробовала научить его стрелять, но Хавьер так и не смог перебороть страх отдачи. Когда автомат дёргался в его руках, Хавьер зажмуривался и не удерживал дуло на линии огня, разбрасывая вокруг себя хаотичные плевки пуль.

Фехтование его утомляло. Он не запоминал ни позиций, ни движений. А саблю держал, не менее элегантно, чем шаман, упившийся магическим соком, держал свой посох.

Однажды Жизель застала Хавьера на том, что он распорол тренировочный фехтовальный костюм, пытаясь выяснить, как тот передавал телу фехтующего то, что противник нанёс ему смертельный удар?

– Всё с тобой ясно, – сказала Жизель. – Я договорилась с шефом ремонтной мастерской, будешь у него в подмастерьях. Научишься чинить бес-пилоты, разберёшься с силовой установкой Катьки. Короче, нельзя делать воина из того, кто не хочет убивать.

Шефа мастерской звали Кирилл Генне – рыжеволосый и бородатый мужчина возраста отца Хавьера. Он с неудовольствием принял назначение Хавьера в помощники:

– Вы там обнюхались все? – Вспылил он. – Давайте тогда ещё одного дикаря назначим в помощники капитана? Или вместо тебя, Жизель, команданом в Эскадроне сделаем? А ещё лучше, давайте, брюхонога на трон посадим, всё равно разницы не будет...

– Молчать, выполнять! – Привычно прикрикнула Жизель. – Парень хоть и дикарь, но умный. Его усиленно прожгли нейролингвистической стимуляцией. По-нашему всё понимает.

– Ага, вижу, – Кирилл ткнул пальцем в сторону Хавьера. – Вылупил глаза и хлопает, типа, понимает.

– Я люблю тех-но-ло-гию, – сказал Хавьер. – Тех-но-ло-гия отличает дикарей от не дикарей.

– Тех-но-ло-гия, – передразнил Кирилл. – Если ты обвешаешься электронными побрякушками, это не значит, что станешь цивилизованным. Вона, погляди на своих сородичей, слепили бес-пилот из глины и палок, и делают вид, что те тоже летают. Думают, что тоже теперь цивилизованные.

– Они ошибаются, – стыдливо согласился Хавьер. – Я не хочу ошибаться.

Жизель оставила Хавьера в мастерской, напоследок наказав Кириллу:

– Считай это экспериментом по адаптации дикарей в наше общество.

– Ладно, посмотрю, что можно сделать. И как я объясню дикарю, что такое электричество, если он верит, что мир состоит из островов, повязанных горелой верёвкой?

– Огненной бечевой, – поправил Хавьер.

Так Хавьер стал проходить обучение в мастерской, перемежая его чтением учебников и уроками истории от Жизель.

Дядя Кирилл, как называла его сама Жизель, был не очень хороший учитель. Он всё время ворчал, злился и обещал проломить Хавьеру череп гаечным ключом.

– Вам какой? – весело отвечал Хавьер. – На двенадцать или на десять?

– Самый большой давай, голова твоя чугунная.

Но Хавьер всё равно любил возиться с техникой. Использовал любую возможность, чтобы покопаться в разобранной веспе, потрогать двигатель эликоптера или хотя бы просто подать дяде Кириллу инструмент и не ошибиться. Хавьер даже раздобыл себе комбинезон техника со множеством карманов. Набил их инструментами и ходил за шефом

– Ну, хотя бы сгодишься, как ходячий ящик для инструментов, – говорил Кирилл.

Однажды Хавьер стоял возле любимого панорамного иллюминатора, наблюдая дикарские земли, проплывающие в разрывах облаков.

Из-за особенностей островного рельефа пашни новоземельских дикарей смотрелись причудливыми узорами. Грядки и борозды переплетались друг с другом как наспех собранный из подручных средств электронный прибор. Многожилые провода каких-то красных растений перекручивались вокруг прямых борозд свежевспаханной земли. Ряд коротких деревьев, с ровной круглой кроной, бугрились как вздувшиеся конденсаторы. Вокруг них неровными окружностями торчали клеммы залитых водой участков. Оросительные каналы, заполненные водой, связывали эти участки ровными нитями, как разводы на электроплита, так же металлически блестя на пробивающемся сквозь вечные облака солнце.

Краем глаза он видел, что кто-то подошёл к другому краю иллюминатора. Ему не хотелось показывать, что знал о присутствии постороннего. Хотелось в одиночестве поразмыслить о том, как теперь ему относиться к соплеменникам?

Хотя они и дикари, но он-то теперь нет. Он должен узнать от Людей-из-Веспы как можно больше, чтобы принести эти знания туда, вниз. В деревни из бревенчатых домиков, за оградами против выдр.

Чем он больше учился, тем...

– Вот бы туда попасть!

Хавьер повернулся к говорившей и замер, любуясь красотой девочки. Её он несколько раз видел на верхних ярусах гондолы, где размещались квартиры офицерского состава. Он даже спросил у Карла, кто это такая? Тот загадочно ответил:

– Не по твоим зубам тёлочка, Хав, даже не пытайся. Капитан тебя собственноручно за яйца подвесит. Это его внучка.

Несмотря на угрозу быть подвешенным, которую Хавьер воспринял с доверчивой серьёзностью, он при каждой случайной встрече смотрел на девочку. Сначала та смеялась над ним, и говорила, не обращая к кому-либо: «Точно, дикарь настоящий». Потом ей стало скучно. Она стала ему подмигивать, строить рожицы, но не приближалась для общения.

Но Хавьер жадно рассматривал её при всяком удобном случае. Восхищался её чёрнокожим профилем, её выпуклым лбом, на который ложились кольца причёски, сплетённой так хитро, как разводка кабелей в самой умной веспе. Ему нравилось, что у девочки толстые губки, как у многих представительниц его племени. Высокое гибкое тело, облачённое то в стандартный пассажирский комбинезон, то в наряды такого невообразимого вида, что Хавьер не знал,

то ли смеяться, то ли восхищаться. Он никак не мог привыкнуть к одежде Людей-из-Веспы. Она ему казалось громоздкой и неудобной, как наряды шамана.

За много дней, что Хавьер пробыл здесь, она впервые обратилась именно к нему.

– Мне так надоело жить на дирижабле, что даже к дикарям согласна сходить. Лишь бы на твёрдой земле очутиться. – Девочка не дождалась ответа от Хавьера и продолжила: – Ты тупой ещё, да? Жаль. А мне говорили, что понимаешь на нашем языке.

– Я не тупой. Я всё понимаю. Меня зовут Хавьер, сын Энзо с острова Невуазу.

Девочка снова засмеялась:

– Вот ты пафосный, как прелат Владислав. Ну, тогда меня зовут Рианна Коуту, дочь Рунако Коуту, из Моску. Блин, вы, дикари, все так разговариваете?

Хавьер пожал плечами:

– У нас нет гражданских чипов или документов. При знакомстве нужно обозначить свою территориальную и родовую принадлежность.

Рианна перестала смеяться:

– А ты действительно научился по-нашему. Больно было, когда мозг прожигали?

Хавьер гордо распрямил плечи:

– Больно было, когда на меня в детстве напала собака-кашорро, я её победил палкой, но она разорвала мне ногу до колена... Я тогда...

Девочка перебила, показывая на остров за иллюминатором:

– Там опасно, да?

Хавьер никогда не думал о своей родине как о некой опасности. Осторожно подбирая слова, ответил:

– Смотря с чем сравнивать. Опасно в период Чёрной Волны, когда выдры выходят на берег. Но от них защищает забор. Лично мне кажется, что опаснее жить рядом с Неудобью или Санитарным Доменом, где поселились ваши дикари под названием выживанцы. Опасно летать на дирижаблях, стрелять из автомата и махать саблями. А у нас на островах, кроме выдр, спокойно, тепло и много воды.

– А собаки-кашорро?

– Они нападают только на детей или на раненых. Они трусливые твари.

Рианна оглянулась:

– Ты про Санитарный Домен не знаешь ничего. Там настоящая свобода. Туда люди бегут, чтобы делать, что хочешь. Я сама мечтала бы там оказаться. Мы с друзьями собирали банду, чтобы сбежать в Санитарный Домен. Но меня сослали на этот ублюдочный дирижабль.

– Почему тебя сослали именно сюда?

Рианна презрительно усмехнулась:

– Папа и мама боялись, что меня похитят, как многих других молодых людей в Империи. Вот и решили, что мне будет безопаснее на дирижабле, под надзором бабушки. А я тут реально умираю от тоски. Друзья наверно без меня свалили в Санитарный Домен.

– Рианна? Рианна? Где вы, девочка? – Из коридора донёсся голос служанки Рианны, толстой негрятки с коротко стриженными, как у новобранца, волосами. – Вы опять ушли с верхней палубы?

– Приходи завтра в восемь вечера в моторную гондолу номер семь, – шепнула Рианна. – Мне нужна твоя помощь.

Хавьер коротко кивнул, соглашаясь.

– Я здесь, тата!* – протараторила Рианна и побежала навстречу, не давая надзирательнице увидеть, что она разговаривала с Хавьером.

Потом быстро вернулась и шепнула:

– Короче, дело к ночи. Ты мне тоже нравишься, хотя и дикарь с пером в заднице.

– Я вовсе не ношу ничего в заднице...

– Не перебивай, – Рианна приложила пальчик к губам Хавьера.

– Где же вы, девочка? – пыхла на лестнице служанка.

– А я тебе нравлюсь? – спросила Рианна.

– Очень. Очень! Да!!!

Рианна погладила Хавьера по щеке:

– Не забудь!

– Уф, какие здесь узкие лестницы, – корпус служанки заслонил свет из коридора.

– Буду ждать! – шепнула Рианна и убежала.

Хавьер долго ещё стоял у иллюминатора, ожидая, не появится ли прекрасная Рианна снова.

—

Примечания

– *Я здесь, тата*[1]!*

tata (фр.) – тётушка

НОВОЕ ВРЕМЯ

У Хавьера не было часов. Да он и не понимал толком, как отмерять по ним обороты солнца, которое ходило вокруг Островов, точнее вокруг Земли, ой, ещё точнее – как-то иначе... Но объяснение Жизель того, что Земля – это шар, который сам ходил вокруг чего-то там в космосе, он не понимал ещё больше.

– Сколько сейчас часов? – спросил он у Дэвида Робертса, который по обыкновению сидел на стуле в углу комнаты и боролся с тошнотой.

– Six o'clock, – ответил Дэвид Робертс, полагая, что его просили перевести. Но так как язык запроса Хавьер не уточнил, то ответил на родном австралийском.

– Не понял.

– Шесть часов.

– А когда будет восемь?

Но Дэвид Робертс как-то изумлённо посмотрел на Хавьера и отвернулся.

Так и не добившись вразумительного ответа, Хавьер решил идти на свидание в моторный отсек тогда, когда солнце завершило оборот и легло в воды Бесконечного Осеано.

Последние лучи солнца проникли через иллюминаторы в коридоре моторного отсека, разделяя его сумрак красными световыми столбами. Здесь гул моторов был так громок, что Хавьер не слышал своих шагов по железному настилу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.